

Джордж Мартин
Игра престолов

Песнь Льда и Огня – 1



Джордж Р.Р. Мартин

ИГРА ПРЕСТОЛОВ

Тот, кто играет в Престолы,
либо погибает, либо побеждает. Середины не бывает!

«Игра престолов»: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2012
ISBN 978-5-271-34087-1

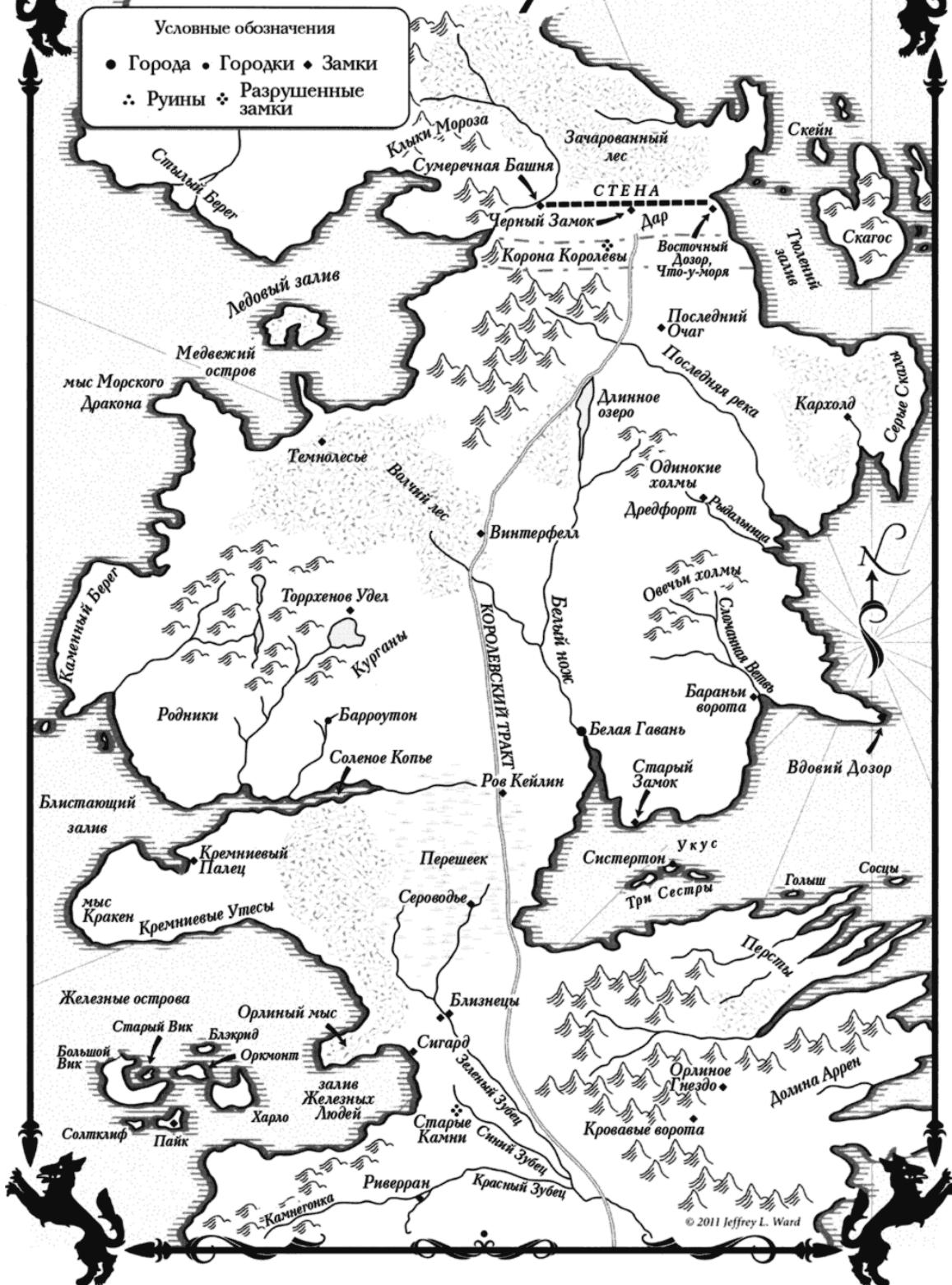
Аннотация

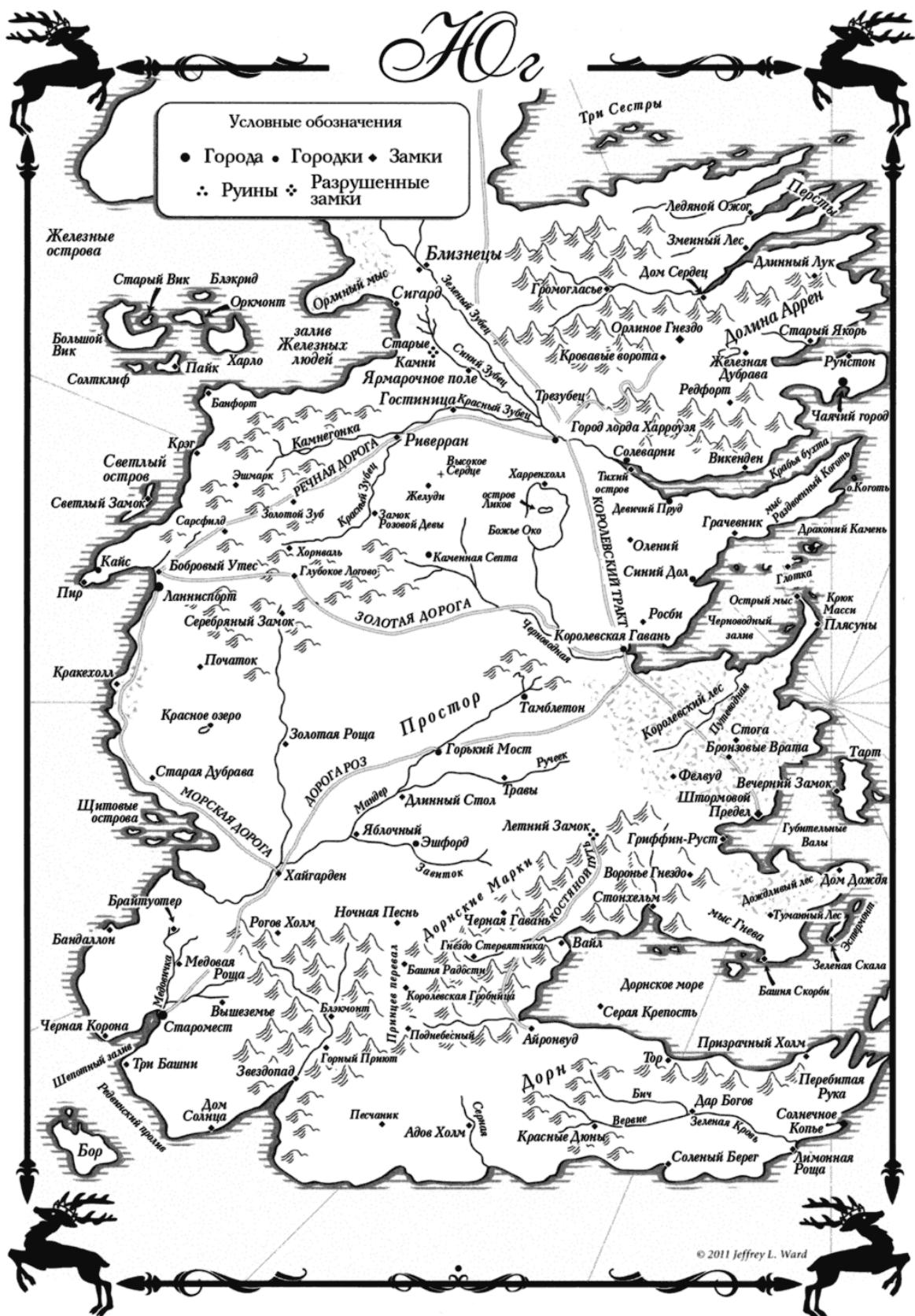
<p>Джордж Мартин. Писатель, очень рано и легко добившийся огромного успеха.</p><p>Начиная с рассказов и повестей, представлявших собой смесь научной фантастики и «ужасов» (за произведения в этом жанре удостоен двух «Хьюго» и двух «Небьюла»), работал и в «классической» научной фантастике, но впоследствии стал подлинным мастером фэнтези, которого критики ставят наравне с Д.Р.Р.Толкином и Р.Джорданом.</p><p>Перед вами – знаменитая эпопея «Песнь льда и огня».</p><p>Эпическая, чеканная сага о мире Семи Королевств.</p><p>О мире суровых земель вечного холода и радостных земель вечного лета.</p><p>О мире опасных приключений, тончайших политических интриг и великих деяний.</p><p>О мире лордов и героев, драконов, воинов и магов, чернокнижников и убийц – всех, кого свела Судьба во исполнение пророчества...</p><p>Большие интересных фактов о вселенной Джорджа Мартина читайте в ЛитРес: Журнале</p>

Джордж Мартин Игра престолов

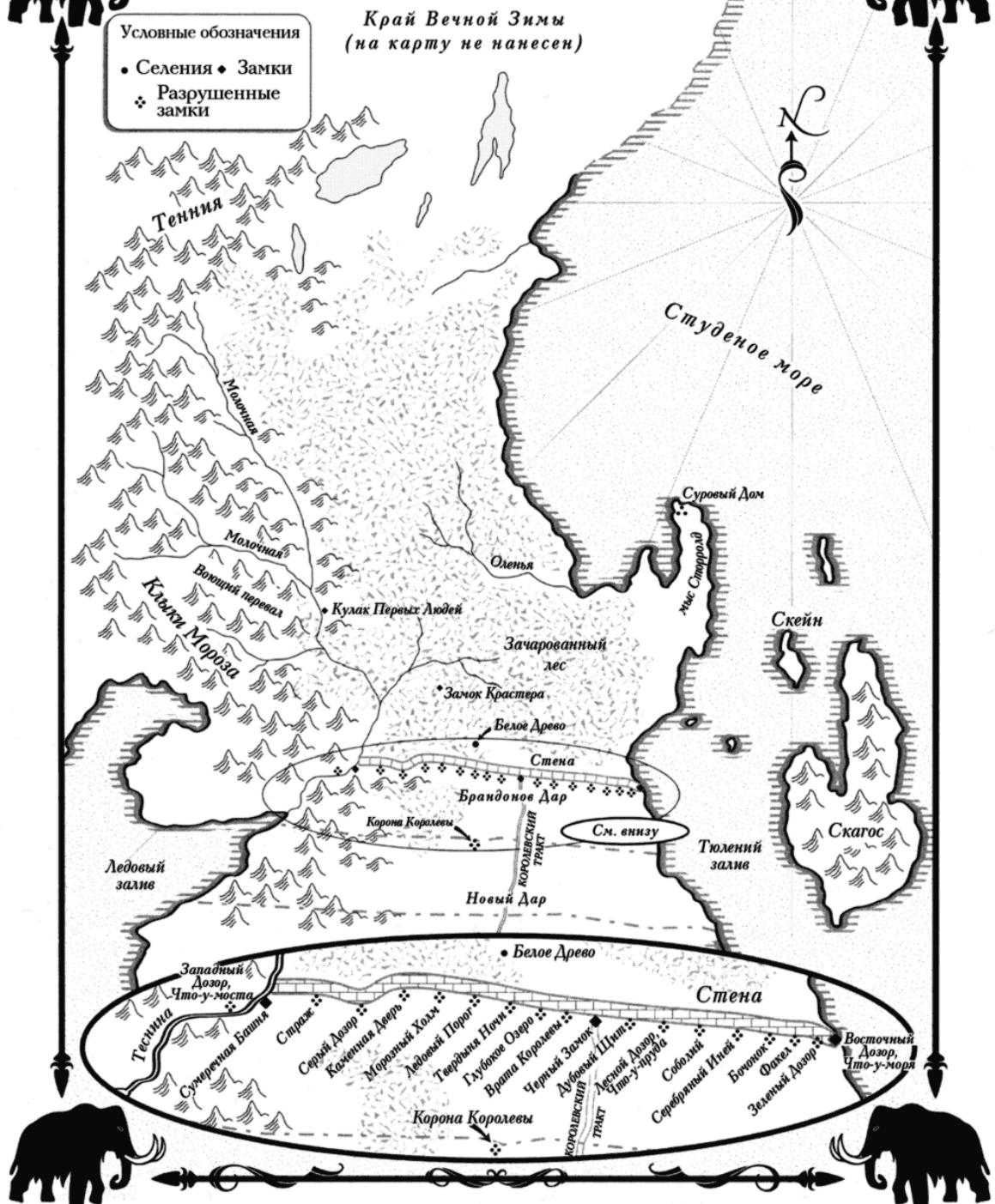
Посвящается Мелинде

Cebep





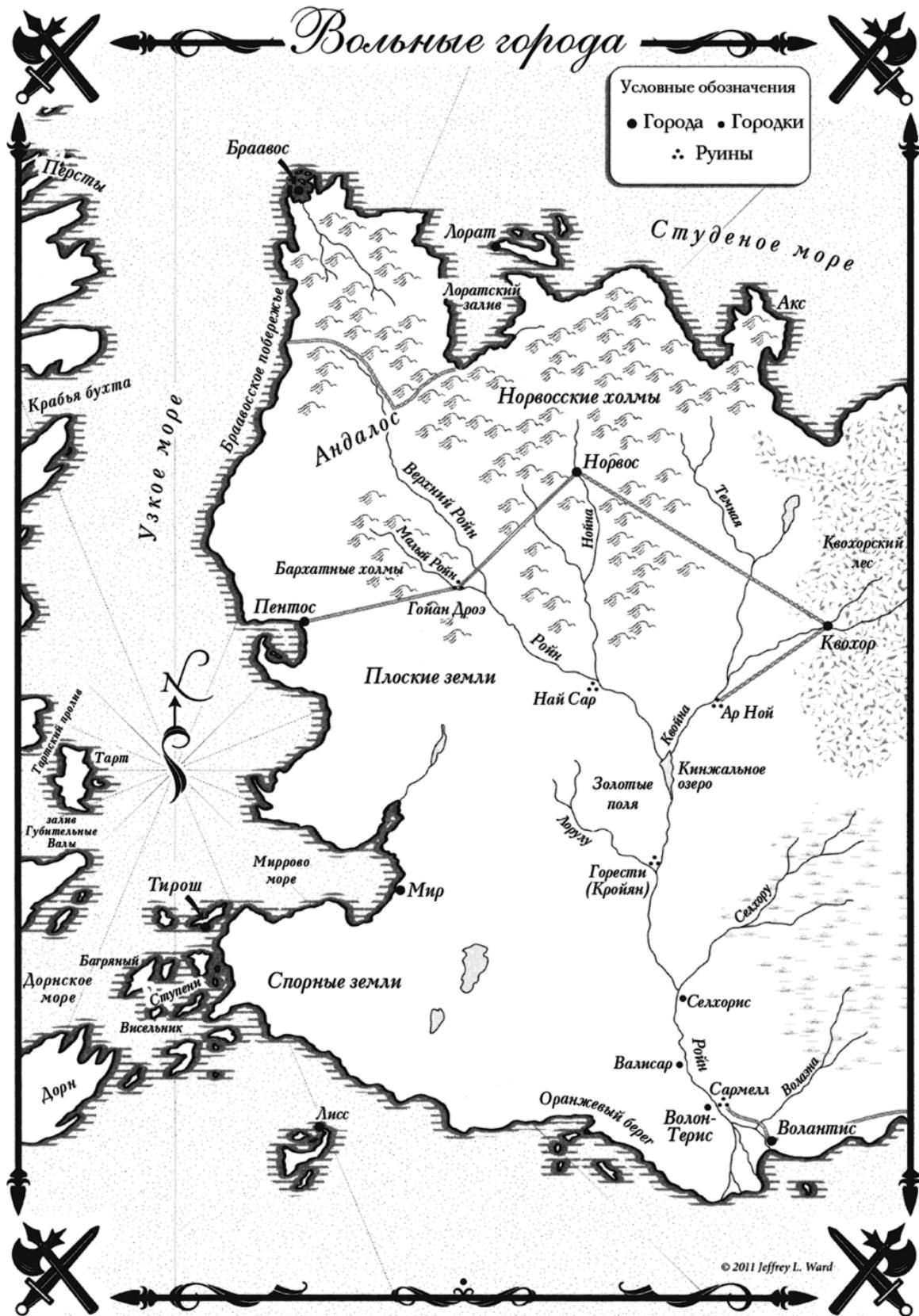
За Стеной.

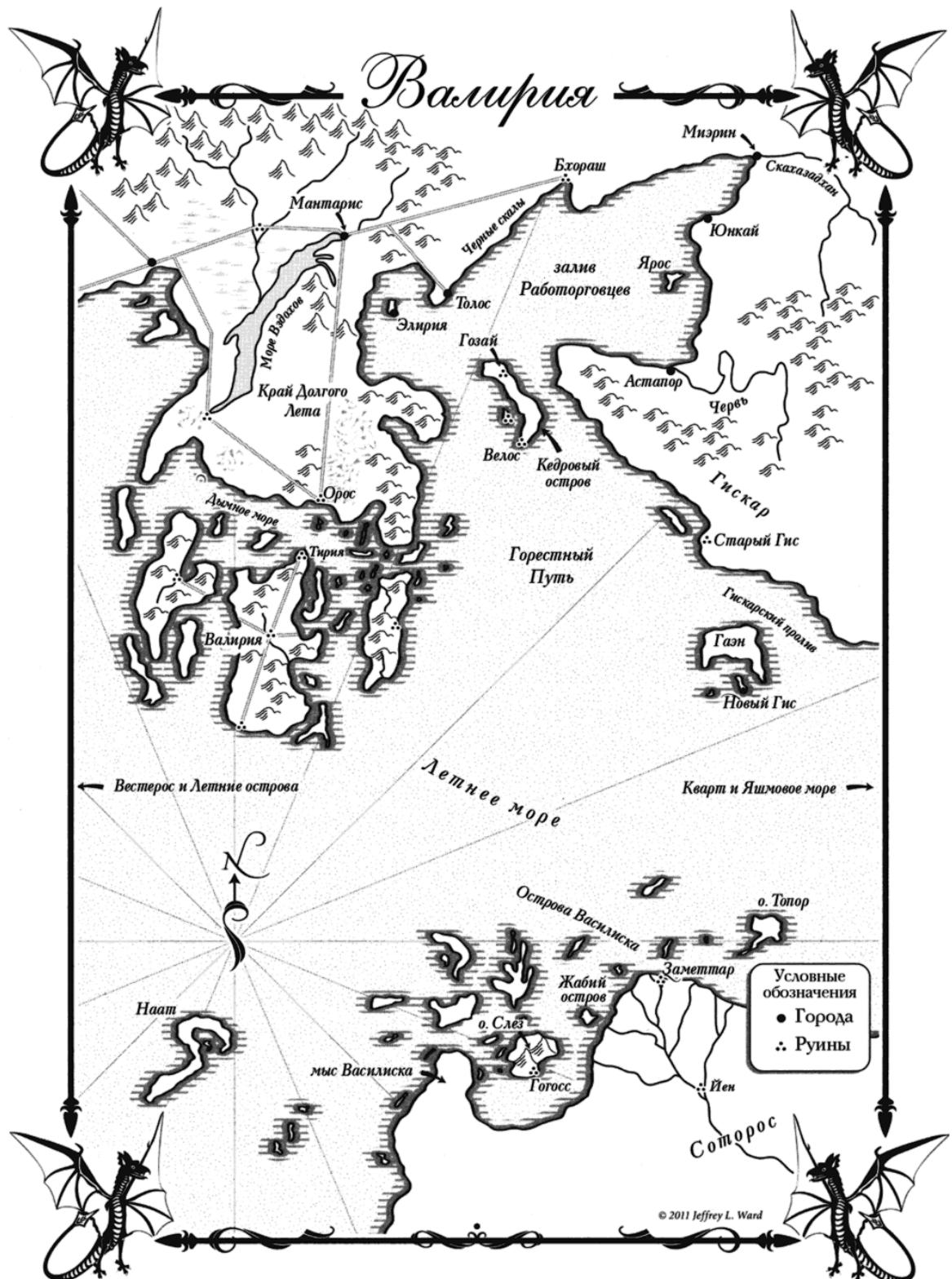


• Вольные города

Условные обозначения

- Города • Городки
 ⋮ Руины





Пролог

— Надо бы поворачивать, — встревожился Гаред, как только лес вокруг них начал темнеть. — Одичалые мертвые.

— Неужели ты боишься покойников? — вопросил сир Уэймар Ройс с легким намеком на улыбку.

Гаред не попался на крючок. За свои пятьдесят лет он успел навидаться, как приходят и уходят эти господа.

— Мертвый мертв, — отвечал он. — С ним не о чем говорить.

— А они действительно мертвы? — спросил Ройс. — Какие доказательства есть у нас?

— Уилл видел их, — отвечал Гаред. — И если он говорит, что они мертвы, мне других доказательств не нужно.

Уилл знал, что его рано или поздно вовлекут в разговор, и хотел, чтобы это случилось по возможности позже.

— Мать моя говорила мне, что покойник не запоет, — сказал он.

— То же самое говорила моя няня, — отозвался Ройс. — Уилл, никогда не верь тому, что слышишь возле женской титьки. Есть вещи, которые можно узнать даже от мертвых. — Голос его слишком громко отдавался в сумрачном лесу.

— Нам предстоит долгая дорога, — напомнил Гаред. — Восемь дней, а быть может, и девять. И ночь уже близка.

Сир Уэймар Ройс поглядел на небо без всякого интереса.

— Ночь каждый день приходит примерно в это же время. Неужели тьма лишает тебя мужества, Гаред?

Уилл увидел, как напрягся рот Гареда, как сверкнул едва сдерживаемый гнев в глазах под толстым черным капюшоном плаща.

Сорок лет — юность и зрелость — провел Гаред в Ночном Дозоре, и свое прошлое он уважал. Однако здесь крылось нечто большее. Под раненой гордостью старшего Уилл угадывал нервное напряжение, опасно приближающееся к страху.

Уилл разделял это нелегкое чувство. На Стене он провел четыре года. И когда в первый раз отправился за нее, то сразу вспомнил все старые рассказы и чрево его обратилось в воду. Потом, вспоминая первую вылазку, он смеялся. Сотня походов сделала его ветераном, и бесконечная мрачная чаща, которую южане зовут Зачарованным лесом, более не казалась ему ужасной.

Но не сегодня. Сегодняшний вечер сулил иное. В этой тьме таилось нечто, заставлявшее подниматься волосы на его затылке. Девять дней они ехали на север, потом на северо-запад и снова на север, все дальше от Стены, преследуя банду дикарей-налетчиков. Каждый день был хуже предшествовавшего ему. И нынешний стал наихудшим. С севера задувал холодный ветер, деревья шелестели, словно живые. Весь день Уиллу казалось, что за ним следит нечто холодное и непреклонное, совершенно не испытывающее к нему симпатии. Гаред ощущал то же самое. Уилл хотел одного — броситься во всю конскую прыть под защиту Стены, но подобными чувствами не делятся со своим командиром.

В особенности с таким командиром.

Сир Уэймар Ройс был самым молодым отпрыском древнего рода, одним из многочисленных наследников. Симпатичный юноша лет восемнадцати, сероглазый, изящный и стройный, как клинок. Восседая на спине своего рослого вороного боевого коня, рыцарь возвышался над Уиллом и Гаредом на их невысоких дорожных лошадках. Все на нем: черные кожаные сапоги, черные шерстяные штаны, черные перчатки из кротовых шкурок и тонко выделанная куртка из блестящих черных кольчужных колец, нашитых на стеганые слои черной шерсти и вареной кожи, — говорило о принадлежности к Ночному Дозору.

Сир Уэймар присягнул на верность братству менее полугода назад, и никто не мог сказать, что он не был подготовлен для такого занятия. Во всяком случае, если говорить о его гардеробе. Довершал одеяние плащ. Соболиный, толстый, черный и соблазнительно мягкий.

— Клянется, что сам убил всех зверьков, вот так вот, — показывал Гаред в казарме за вином. — Свернул им головенки наш могучий воитель.

Все дружно хохотали.

Трудно повиноваться человеку, которого осмеиваешь за выпивкой, думал Уилл, ежившийся на спине своей лошаденки. Гаред, должно быть, испытывал те же чувства.

— Мормонт приказал нам выследить их, и мы это сделали, — проговорил Гаред. — Одичалые мертвые. Более они не причинят хлопот. А нам предстоит тяжелая дорога. Мне не

нравится погода. Если пойдет снег, на возвращение домой уйдет две недели, а ведь даже снегопад будет подарком. Вы когда-нибудь видели ледяную бурю, милорд?

Лорденыш как будто и не слышал его. Ройс изучал сгущающийся сумрак в этакой полурассеянности-полускуке. Уилл успел достаточно долго проездить с рыцарем и знал – лучше не докучать ему в подобном настроении.

– Опиши мне еще раз то, что ты видел, Уилл. Все подробности. Ничего не забудь.

Прежде чем поступить в Ночной Дозор, Уилл был охотником, точнее говоря, браконьером. Вольные всадники Маллистеров взяли его с кровью на руках в собственных лесах Маллистеров, над освежеванной тушей одного из оленей, принадлежавших Маллистерам; так что ему осталось или надеть черное, или расстаться с рукой. Никто не умел двигаться по лесу безмолвнее Уилла, и Черные Братья весьма скоро обнаружили этот дар.

– Их лагерь располагается в двух милях отсюда, за тем гребнем, возле ручья, – проговорил Уилл. – Я подобрался так близко, как только осмелился. Одичалых – восьмеро, есть и мужчины, и женщины. Я не видел там никаких детей. Они соорудили навес возле скалы. Теперь все засыпал снег, но я не заметил огня, хотя кострище было видно как на ладони. Никто не двигался, а ведь я долго следил за ними. Живому человеку не под силу пролежать так, не шевелясь.

– А ты видел кровь?

– Нет, – признал Уилл.

– А оружие?

– Несколько мечей и луков. У одного был топор, тяжелый такой, с двумя лезвиями... жестокое железо. Он лежал на земле возле этого человека, прямо у руки.

– А ты заметил положение тел?

Уилл покал плечами:

– Один сидел возле скалы. Остальные были на земле, попадали, что ли.

– Или спали, – предположил Ройс.

– Упали, – настаивал Уилл. – Женщина влезла наверх железного дерева и пряталась среди ветвей. Дозорная. – Он тонко улыбнулся. – Я старался, чтобы она не увидела меня. Но когда подобрался ближе, то заметил, что и она не шевелится. – И против желания он поежился.

– Тебе холодно? – спросил Ройс.

– Слегка, – пробормотал Уилл. – Ветер, милорд.

Молодой рыцарь повернулся к седому оруженосцу. Побитые морозом листья с шелестом пролетели мимо, и конь Ройса беспокойно шевельнулся.

– Итак, какова, по-твоему, была причина смерти этих людей, Гаред? – непринужденно спросил сир Уэймар, поправляя длинный соболиный плащ.

– Холод, – отвечал Гаред с железной уверенностью. – Прошлой зимой я видел, как замерзают люди, видел и позапрошлой, когда был еще наполовину мальчишкой. Все говорят о снегах глубиной в сорок футов, о том, как ледяной ветер, воя, налетает с севера, но главным врагом является холод. Он добирается до тебя бесшумнее, чем Уилл, и сперва ты только поеживаешься и стучишь зубами, а потом топаешь ногами и мечтаешь о подогретом вине с пряностями и чудесном жарком очаге. Мороз жжет. Ничто не обжигает, как холод. Но лишь поначалу. А потом он проникает внутрь тела, наполняет тебя, пока у человека не остается сил сопротивляться. Легче просто сесть и уснуть. Говорят, что, замерзая, перед концом не чувствуешь никакой боли. Просто слабеешь и тихонько засыпаешь, все словно блекнет, а потом как будто проваливаешься в море теплого молока, в мир и покой.

– Экое красноречие, Гаред, – усмехнулся сир Уэймар. – Никогда не подозревал в тебе подобного дара.

– Холод проникал и в меня, молодой лорд. – Гаред откинул назад капюшон, давая сиру Уэймару возможность рассмотреть обрубки, оставшиеся на месте ушей. – Два уха, три пальца на ногах и мизинец на левой руке. Я еще легко отделался. Моего брата тогда нашли

замерзшим и улыбающимся.

Сир Уэймар пожал плечами:

– Надо было одеться потеплее, Гаред.

Тот гневно глянул на юного лорда, шрамы на месте ушей, там, где майстер Эйемон срезал обмороженный хрящ, налились кровью от гнева.

– Посмотрим, как согреет тебя одежда, когда придет зима. – Он натянул на голову капюшон и сгорбился на своей лошади, угрюмый и молчаливый.

– Если Гаред говорит, что было холодно… – начал Уилл.

– А ты был в карауле на прошлой неделе, Уилл?

– Да, милорд. – Ни одна неделя не проходила без того, чтобы ему не выпадало с дюжину этих паскудных караулов. Чего, собственно, Ройс хочет от него?

– И какой была Стена?

– Мокрой, – сказал Уилл хмурясь. Теперь он понял, чего добивается молодой лорд. – Они не могли замерзнуть. Ведь Стена подтаяла. Настоящего холода не было.

Ройс кивнул:

– Смышенный парень. На этой неделе несколько раз подмораживало, выпадал снег, но ходов, достаточно свирепых, чтобы убить восьмерых взрослых людей, не было. Напоминаю: одетых в меха и кожу, возле укрытия и костра. – Улыбка рыцаря сделалась самоуверенной. – Уилл, веди нас туда, я сам хочу увидеть этих мертвецов.

Ну что ж, делать нечего. Приказ отдан, надо повиноваться.

Уилл направился первым, его косматая невысокая лошадка внимательно выбирала путь через подлесок. Позапрошлой ночью выпал легкий снежок, и камни, корни и ямки прятались под его поверхностью, поджидая неосторожного и беспечного. Сир Уэймар Ройс следовал за ним, рослый вороной жеребец нетерпеливо фыркал. Боевой конь не годился для разведки, но попробуй это сказать его лордству. Гаред замыкал линию. Старый оруженосец что-то бурчал под нос.

Сумерки стущались. Неласковое небо сперва приняло глубокий пурпурный оттенок, потом цвет старого синяка и, наконец, покернело. Начали выступать звезды. Над деревьями объявился и полумесяц. Уилл обрадовался свету.

– Можно бы и прибавить шагу, – заметил Ройс, когда луна поднялась повыше.

– Я не уверен, – отвечал Уилл. Страх заставил его забыть про вежливость. – Быть может, милорд хочет возглавить нас?

Сир Уэймар Ройс не потрудился ответить.

Где-то вдалеке в лесу завыл волк. Уилл завел свою лошадь под ствол, древний и корявый, и спешился.

– Почему ты остановился? – спросил сир Уэймар.

– Остаток пути лучше пройти пешком, милорд. Место как раз за гребнем.

Вглядываясь в даль, Ройс помедлил, на мгновение остановившись в явной задумчивости. Холодный ветер прошелестел в деревьях, толстый меховой плащ рыцаря словно бы сам собой шевельнулся сзади.

– Здесь что-то неладно, – пробормотал Гаред.

Молодой рыцарь посмотрел на него с презрительной улыбкой:

– В самом деле?

– Неужели вы не ощущаете сами? – спросил Гаред. – Прислушайтесь к тьме.

Уилл чувствовал это. За все четыре года, проведенных в Ночном Дозоре, ему никогда не приводилось так пугаться. Что это такое?

– Дует ветер. Деревья шелестят. Волк воет. Какой звук лишает тебя мужества, Гаред? – Не дождавшись ответа, Ройс изящно выскользнул из седла. Он надежно привязал скакуна к низкому суху, чуть в стороне от остальных, и извлек из ножен длинный меч. На рукоятке блеснули самоцветы, лунный свет пробежал по сверкающей стали. Великолепное оружие, выкованное в замке, и не столь уж давно, если как следует приглядеться. Только вот едва ли им замахивались в гневе, решил Уилл.

— Здесь всюду деревья, — предостерег Уилл. — Меч помешает вам, милорд. Лучше возьмите нож.

— Если мне потребуются наставления, я попрошу их, — сказал молодой лорд. — Гаред, оставайся здесь. Охраняй коней.

Гаред спешился.

— Нам нужен огонь. Я разведу костер.

— Какой же ты дурак, стариk! Если по этому лесу бродят враги, значит, в огне мы нуждаемся в самую последнюю очередь.

— Бывает, что врагов огонь удерживает в стороне, — проговорил Гаред. — Его боятся медведи и лютоволки... да и другие...

Рот сира Уэймара сложился в прямую линию:

— Никакого огня!

Капюшон Гареда прикрыл лицо, но, поворачиваясь к рыцарю, Уилл заметил в глазах старика жесткий блеск. На миг он испугался, что Гаред достанет свой меч... короткая уродливая штуковина, рукоятка изъедена пыткой, лезвие притуплено долгим употреблением... Уилл не дал бы железного шиллинга за жизнь лорденыша, если бы Гаред извлек свой клинок из ножен.

Наконец Гаред поглядел вниз.

— Никакого огня, — пробормотал он едва слышным голосом.

Ройс принял это за подтверждение и отвернулся.

— Ступай, — сказал он Уиллу.

Уилл направился в чащу, потом вверх по склону к высокому гребню, где он обнаружил удобное место под страж-деревом. Тонкая корочка снега едва прикрывала грязь и влагу, ноги скользили — мешали камни и скрытые корни, — однако, поднимаясь, Уилл не произвел ни звука. За его спиной негромко позвякивал кольчугой лорденок, шелестели листья, раздавались негромкие ругательства, когда загребущие ветви цеплялись за длинный меч и за великолепный соболий плащ.

Огромное страж-дерево находилось прямо на гребне; как помнил Уилл, нижние ветви его поднимались от земли почти на фут. Уилл скользнул под дерево, лег на живот в снег и грязь, поглядел на пустую поляну внизу, и сердце его провалилось в пятки. Мгновение он не смел дохнуть. Луна освещала поляну, костище, занесенный снегом навес, огромную скалу, маленький узкий полузамерзший ручеек. Все это осталось неизменным — как и несколько часов назад.

Но людей не было, все тела исчезли.

— Ах, боги! — услышал он позади себя голос. Меч рубанул по ветке, и сир Уэймар Ройс поднялся на гребень. Он остановился возле страж-дерева с мечом в руках, ветер раздувал плащ, все вокруг могли видеть благородный силуэт на фоне звездного неба.

— Немедленно вниз! — настоятельно щепнул Уилл. — Здесь что-то не так.

Ройс не шевельнулся. Он поглядел на пустую прогалину и расхохотался:

— Выходит, твои мертвцы куда-то перебрались.

Голос Уилла предал его. Он искал слова и не находил их. Немыслимо! Глаза его метались взад и вперед по покинутому стану и остановились на топоре. Огромный боевой топор с двумя лезвиями все еще лежал на прежнем месте. Ценное оружие...

— На ноги, Уилл, — приказал сир Уэймар. — Здесь никого нет. Я не хочу, чтобы ты прятался под кустом.

Уилл нерешительно поднял голову.

Сир Уэймар глядел на него с открытым неодобрением.

— Я не намереваюсь вернуться в Черный замок с признанием о неудаче моей первой вылазки. Мы найдем этих людей. — Он огляделся. — Лезь на дерево. И быстро. Ищи огонь.

Уилл молча отвернулся, спорить было бесполезно. Ветер менялся. Теперь порывы продували насквозь. Уилл подошел к дереву, высоко поднимавшему свои серо-зеленые ветви, и полез вверх. Скоро руки его запачкались смолой, и он почти потерялся среди

иголок. Страх наполнил нутро Уилла комом непереваренной пищи. Прочитав молитву безымянным богам леса, он извлек свой кинжал из ножен и зажал в зубах, чтобы можно было держаться за дерево обеими руками. Вкус холодного железа во рту почему-то всегда успокаивал его.

Лорденыш внизу вдруг воскликнул:

– Кто идет?

Уилл услышал неуверенность в его голосе и замер, прислушиваясь и наблюдая.

Лес дал ответ: шелестели листья, в ледяном ложе бежал ручей, вдалеке кричала снежная сова.

Иные не издают звуков.

Уилл заметил движение уголком глаза. Бледные силуэты появились в лесу. Повернув голову, он увидел белую тень, скользнувшую во тьме. Тень исчезла. Ветки легко шевелились под ветром, скребли друг друга деревянными пальцами. Уилл открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение, но слова как будто замерзли в его горле. Возможно, он ошибся, и это всего лишь птица или отражение, брошенное на снег прихотью лунного света. В конце концов, что он видел?

– Уилл, где ты? – поднял голову вверх сир Уэймар. – Ты заметил что-нибудь? – Зажав в руке меч, рыцарь медленно, с внезапным напряжением повернулся на месте. Значит, и он ощутил их. Ощущал, но не увидел. – Отвечай мне! Почему так холодно?

Было действительно холодно. Ежась, Уилл плотнее прижался к стволу, припав лицом к грубой коре. Сладко пахло смолой, прилипшей к щеке.

Из тьмы леса родилась тень и остановилась перед Ройсом. Высокая, тощая и твердая, как старые кости, и вместе с тем бледная, как молоко. Панцирь ее словно менял цвет при каждом движении. Он то становился белым, как свежевыпавший снег, то покрывался угольной тенью, то отливал серой зеленью деревьев. С каждым шагом новый узор пробегал по броне, словно лунный свет по воде.

Уилл услышал, как дыхание с долгим шипением вырвалось из груди сира Уэймара Ройса.

– Стой! – выкрикнул лорденыш, дав петуха как мальчишку. Забросив длинный соболий плащ за плечи, он освободил обе руки для боя и взял меч. Ветер утих, но сделалось еще холоднее.

Иной скользил вперед, бесшумно ступая; в руке существо держало длинный меч. Таких клинов Уилл никогда не видел. Ни один известный людям металл не мог бы пойти на это лезвие. Играя в лунном свете, меч казался прозрачной полоской тонкого хрусталия и почти исчезал, поворачиваясь плоскостью. Он горел призрачным голубым пламенем, и чутье поведало Уиллу, что более острого клинка ему еще не встречалось.

– Ну что ж, попляшем и согреемся, – пробормотал сир Уэймар и занес свой меч над головой. Руки его дрожали от тяжести оружия или, может быть, от холода. И все же в тот момент Уилл увидел в нем не прежнего мальчика, но мужа из Ночного Дозора.

Иной остановился, и Уилл заметил глаза существа: глубокая и густая нечеловеческая синева сверкала как лед. Они были обращены к длинному мечу, занесенному над головой, и лунный свет леденил металл. На миг Уилл потерял надежду.

Они безмолвно возникали из теней двойниками первого. Их было трое... четверо... пятеро... Сир Уэймар, должно быть, ощущал холод, который принесли Иные, но не видел их, даже не слышал. Уиллу следовало бы крикнуть. Но, выполняя свой долг, он лишь навлек бы на себя несомненную смерть. Трепеща, Уилл только теснее обнял дерево, сохраняя молчание.

Бледный меч холодом пронзил воздух.

Сир Уэймар встретил удар сталью. Клинки соприкоснулись не со звоном металла о металле: в воздухе проплыл тонкий стон животного, получившего смертельную рану. Ройс отразил и второй удар, и третий, а затем отступил на шаг. Последовал еще поток ударов, и он снова отступил.

Позади него, справа, слева, вокруг стояли терпеливые, безликие и безмолвные наблюдатели, текучие узоры на хрупкой броне делали их в лесу почти невидимыми. И все же они не пытались вмешаться.

Вновь и вновь встречались мечи. Уиллу захотелось зажать уши, только бы не слышать этот странный болезненный визг. Сир Уэймар теперь пыхтел от натуги, дыхание паром струилось в лунном свете. Его клинок побелел от мороза. Иной же плясал вокруг с бледным голубым пламенем в руках.

А потом удар Ройса чуть запоздал. Бледный меч прорезал его кольчугу на боку. Молодой лорд вскрикнул от боли. Кровь хлынула между колец. Она задымилась на холоде, красные как огонь капли падали на снег. Пальцы сира Уэймара зажали бок, на кротовой перчатке выступила кровь.

Иной что-то сказал: языка Уилл не знал, голос чужака трещал словно лед на зимнем озере, но в словах слышалась насмешка.

К сиру Уэймару вновь вернулась ярость.

– За короля Роберта! – закричал он и отчаянно бросился вперед, обеими руками занес покрытый изморозью меч и рубанул им сбоку, вложив в удар вес всего тела. Иной ответил небрежным ленивым движением.

Клинки соприкоснулись, и сталь разбилась.

С визгом, отозвавшимся в ночном лесу, длинный меч рассыпался на сотню хрупких иголок, дождем разлетевшихся вокруг. Ройс упал на колени, с криком прижимая руку к глазам. Кровь проступала между его пальцев.

Безмолвные наблюдатели разом шагнули вперед, словно получив какой-то сигнал. Мечи поднимались и падали в смертельном безмолвии. Началась хладнокровная бойня. Бледные клинки прорезали кольчугу, словно какой-то шелк. Уилл закрыл глаза. Голоса их и смех, колючий словно сосульки, раздавались где-то под ним.

Не скоро он накопил достаточно отваги, чтобы поглядеть вниз, даже когда гребень уже опустел.

Едва смея дышать, Уилл еще долго оставался на дереве, и луна медленно ползла по черному небу. Наконец мышцы его окоченели, пальцы онемели от холода, и он стал спускаться.

Тело Ройса лежало лицом в снег, одна рука была протянута в сторону, толстый соболий плащ прорезан в дюжине мест. Было видно, насколько он молод. Мальчишка.

Уилл нашел остатки меча чуть в стороне: клинок расщепился и изогнулся, напоминая дерево, пораженное ударом молнии. Став на колени, Уилл осторожно огляделся вокруг и подобрал оружие. Расщепленный клинок послужит доказательством его слов. Гаред знает, что все это значит, а если нет, то поймет старый медведь Мормонт или мейстер Эйемон. Ждет ли его еще Гаред с лошадьми? Надо торопиться.

Уилл поднялся. Над ним высился сир Уэймар Ройс. Тонкие одежды разодраны, лицо разбито. Осколок торчал из ослепленной левой глазницы.

Правый глаз был открыт. Зрачок его горел синим огнем и... видел.

Сломанный меч упал из бесчувственных пальцев. Уилл закрыл глаза, чтобы помолиться. Длинные благородные пальцы коснулись его щеки, стиснули горло. Уилл ощутил прикосновение тончайшей выделки кротовой кожи, липкой от крови. Но прикосновение оказалось ледяным.

Бран

Утро выдалось чистым и ясным, свежесть напоминала о близящемся конце лета. Они выехали на рассвете, чтобы поглядеть, как этому типу отрубят голову; их было двадцать человек, и Бран ехал среди них, нервничая от возбуждения. Впервые лорд-отец и братья сочли его достаточно взрослым, чтобы лицезреть совершенство королевского правосудия. Шел девятый год лета – и седьмой в жизни Брана.

Человека этого взяли возле небольшой крепости в горах. Робб считал, что это один из одичалых – человек, присягнувший мечом Мансу-налетчику, Королю за Стеной. По коже Брана при этой мысли побежали мурашки. Он помнил, о чем старая Нэн рассказывала у очага. Одичалые – люд жестокий, говорила она, убийцы, работоговцы и воры. Они водились с гигантами и мертвяками, глухими ночами крали девчонок и пили кровь из обточенных рогов. А их женщины долгой ночью ложились с Иными, чтобы породить ужасных детей, в которых было мало человеческого. Но человек, связанный по рукам и ногам возле стены и ожидавший совершения королевского правосудия, был стар и худ и ростом лишь немногого превышал Робба. Лишенный обоих ушей и пальца, он был одет в черное, как подобает брату из Ночного Дозора, только меха его были потрепаны и грязны.

Дыхание людей и коней мешалось, струясь парком в холодном утреннем воздухе. Отец Брана, лорд, велел отрезать веревки от стены и подтащить пленника поближе. Робб и Джон, высокие и спокойные, сидели на конях, между ними красовался Бран на своем пони и пытался казаться старше семи лет, старательно изображая, что все это он уже видел. Слабый ветерок дул из ворот крепости. Над головами трепетало знамя Старков из Винтерфелла:¹ серый лютоволк несся по снежно-белому полю.

Отец невозмутимо сидел на коне, длинные каштановые волосы теребил ветер. В подстриженной бороде мелькали белые нити, он выглядел старше своих тридцати пяти лет. Серые глаза лорда нынче смотрели угрюмо, он казался непохожим на того мужчину, который вечерами возле огня негромко рассказывал о веке героев и детях леса. Бран подумал: он снял с себя личину отца и надел маску, подобающую лорду Старку,² владельцу Винтерфелла.

Холодное утро услышало вопросы судей и ответы на них; сам Бран впоследствии не мог вспомнить, о чем шла речь. Наконец лорд-отец дал приказ, и двое гвардейцев потащили оборванца к колоде железоствола, стоящей в центре площади, и заставили его положить голову на твердое дерево. Лорд Эддард Старк спешился, и его подопечный Теон Грейджой подал меч. Клинок имел собственное имя и звался Лед. Шириной он был в ладонь мужчины, а в длину превышал рост Робба. Черное лезвие выковали из валирийской стали и укрепили заклинаниями. Нет меча остree, чем валирийский.

Отец стащил перчатки, передал их Джори Касселю, капитану его домашней гвардии. Он обхватил меч обеими руками и проговорил:

– Именем Роберта из дома Баратеонов, первого носителя этого имени, короля андалов, ройнаров и Первых Людей, владыки Семи Королевств и Хранителя Областей, по слову Эддарда из дома Старков, лорда Винтерфелла и Хранителя Севера, я выношу тебе смертный приговор. – Огромный меч сверкнул высоко над головой.

Бастард Джон Сноу подвинулся ближе к Брану.

– Придержи-ка своего пони, – шепнул он. – И не отворачивайся, отец заметит.

Бран удержал пони на месте и не отвернулся.

Отец снес голову преступнику одним уверенным ударом. Кровь хлынула на снег, окрасившийся в цвет летнего вина. Один из коней встал на дыбы, и его пришлось удерживать на месте. Бран не мог отвести глаз от крови. Снег вокруг колоды быстро впитывал ее, краснея буквально на глазах.

Голова ударилась о толстый корень и откатилась к ногам Грейджоя. Теон, смуглый молодец девятнадцати лет, во всем находил смешное. Он расхохотался, поставил сапог на голову и пнул…

– Осел, – пробормотал Джон, но так, чтобы не слышал Грейджой. Он положил руку на

¹ В этом названии на общем языке сливаются наступление зимы и ее свирепость. –*Здесь и далее примеч. пер.*

² А в этом имени звучат сила, непреклонность, суровость и стойкость.

плечо Брана, тот поглядел на своего незаконнорожденного брата. – А ты молодец, – торжественно объявил Джон с высоты своих четырнадцати лет, как знаток совершения правосудия.

Обратная дорога показалась более длинной и холодной, хотя ветер стих и солнце поднялось выше. Бран ехал вместе с братьями впереди основного отряда, пони его с трудом держался вровень с рослыми лошадьми.

– Дезертир принял смерть отважно, – проговорил Робб. Высокий и широкоплечий, он рос день ото дня. Робб пошел в матерь: светлая кожа, рыже-каштановые волосы и синие глаза Талли из Риверрана. – Ему по крайней мере хватило отваги.

– Нет, – вновь негромко ответил Джон. – Это не отвага. Он окоченел от страха. Мог бы и посмотреть ему в глаза, Старк. – Собственные глаза Джона, серые настолько, что казались почти что черными, редко упускали что-либо. Он был одного возраста с Роббом, хотя сходства в них обнаруживалось немного, и если Джон был худощав, темноволос и быстр, то Робб мускулист, светловолос, крепок и надежен.

Робб явно не был заинтересован в разговоре.

– Чтобы его глаза вынули Иные, – буркнул он. – Дезертир умер достойно. Спорим, я буду первым у моста?

– По рукам, – ответил Джон, немедленно посыпая своего коня вперед. Робб ругнулся и последовал за ним; они помчались вдоль дороги. Робб хохотал и улюлюкал, Джон сохранял сосредоточенное молчание. Копыта коней поднимали фонтаны снега.

Бран и не пытался последовать за ними. Пони его не был способен на такие штучки. Но глаза оборванца он тоже видел – и теперь вспоминал их. Спустя некоторое время смех Робба расстался вдали, и в лесу вновь стало тихо.

Бран так глубоко погрузился в думу, что даже не услышал, как его нагнал весь отряд и отец подъехал к нему сзади.

– С тобой все в порядке, Бран? – спросил он, пожалуй, даже с заботой.

– Да, отец, – ответил Бран, поднимая взгляд. Его лорд-отец, закутанный в меха, высился над ним на огромном боевом коне подобно гиганту. – Робб сказал, что человек этот умер с отвагой, но Джон уверяет, что он боялся.

– А ты как думаешь? – спросил отец.

Бран подумал.

– А не может ли человек сразу быть отважным, но чего-то бояться?

– Только так и может человек быть отважным, – ответил отец. – А ты понимаешь, почему я это сделал?

– Он был из одичалых, – проговорил Бран. – Они крадут женщин и продают их Иным.

Лорд-отец улыбнулся:

– Опять наслушался сказок старухи Нэн? Понимаешь, человек этот был клятвопреступником, сбежавшим из Ночного Дозора. Нет преступника более опасного. Дезертир знает, что если его поймают, то лишат жизни, и не остановится перед любым злодеянием. Но ты не понял меня. Я говорю не о том, почему он должен был умереть, а о том, почему я сделал это своими руками.

Брану нечего было сказать.

– У короля Роберта есть палач, – проговорил он неуверенно.

– Да, это так, – согласился отец. – Как и прежде у королей Таргариенов. Но наш обычай древнее. Кровь Первых Людей по-прежнему течет в жилах Старков: мы считаем, что тот, кто выносит приговор, должен и нанести удар. Если ты собираешься взять человеческую жизнь, сам загляни в глаза осужденного. Ну а если ты не в силах этого сделать, тогда человек, возможно, и не заслуживает смерти. Однажды, Бран, ты станешь знаменосцем Робба, будешь править собственной крепостью от имени твоего брата и твоего короля, и тебе придется совершать правосудие. Когда настанет такой день, ты не должен находить удовольствие в этом деле, но нельзя и отворачиваться... Правитель, прячущийся за наемных палачей, скоро забывает лицо смерти.

В этот-то миг на гребне холма перед ними появился Джон. Махнув рукой, он закричал им:

– Отец, Бран, быстрее, посмотрите, что нашел Робб! – И с этими словами снова исчез.

Джори подъехал к ним.

– Что-то случилось, милорд?

– Вне сомнения, – отвечал лорд-отец. – Поехали посмотрим, какое безобразие обнаружили мои сыновья.

Он послал своего коня рысью. Джори, Бран и все остальные последовали за ним. Робба они обнаружили на берегу реки к северу от моста, Джон возле него оставался верхом. Снег позднего лета лежал глубоко. Робб стоял по колено в белом сугробе, капюшон откинут назад, и солнце поблескивает в волосах... Он держал что-то в руках, и мальчишки переговаривались негромкими взволнованными голосами.

Кони осторожно пробрались среди сугробов, пытаясь отыскать прочную опору для ног на неровной земле. Джори Кассель и Грейджой первыми приблизились к мальчикам. Грейджой смеялся и шутил всю дорогу, но тут Бран услышал, как резко оборвался его смех.

– О боги! – воскликнул он, пытаясь сохранить власть над лошадью и протягивая руку к мечу.

Меч Джори уже был в его руках.

– Робб, отойди! – крикнул он, когда лошадь попятилась. Робб ухмыльнулся и поднял взгляд от комка, который держал в руках.

– Она не причинит тебе вреда, Джори, – отвечал он. – Она мертва.

Брана сжигало любопытство. Он пришпорил своего пони, но отец велел ему спешиться перед мостом и идти пешком. Бран соскочил с коня и побежал. К тому времени Джори, Джон и Теон уже спешились.

– И что же это такое, клянусь всеми семью пеклами? – проговорил Грейджой.

– Волчица, – сказал ему Робб.

– Урод, – отвечал Грейджой. – Погляди на величину.

Сердце Брана отчаянно стучало, пока он пробирался к братьям через сугроб, провалившись в него по грудь. В окрашенном кровью снегу утопал огромный темный силуэт. Косматая серая шкура уже успела покрыться ледком, слабый запах падали тянулся с навязчивостью женских духов. Бран увидел слепые глаза, в которых уже ползали черви, широкую пасть, полную желтых зубов. Величина существа заставила его охнуть. Зверь был выше пони, в два раза больше самой рослой собаки отца.

– Это не урод, – невозмутимо отвечал Джон. – Это лютоволк. Они больше обычных.

Теон Грейджой заметил:

– Уже две сотни лет лютоволка ни разу не встречали к югу от Стены.

– Вот он перед нами, – ухмыльнулся Джон.

Бран сумел оторвать взгляд от чудовища и, сразу заметив ком шерсти в руках Робба, с восторженным воплем пододвинулся ближе. Щенок – слепой шар серо-черного меха – тыкался носом в грудь Робба, державшего его на руках, и, не находя молока, грустно скулил. Бран неуверенно протянул руку.

– Давай, – сказал Робб. – Можешь погладить.

Бран нервным торопливым движением погладил животное, потом повернулся, услышав голос Джона.

– А вот и еще один. – Его сводный брат держал в руках второго щенка. – Их здесь пять.

Бран сел в снег и прижал волчонка к лицу. Мягкая шкурка грела щеку.

– После стольких-то лет лютоволки разгуливают по стране, – пробормотал Халлен, мастер над конями. – Мне это не нравится.

– Это знак, – сказал Джори.

Отец нахмурился.

– Джори, это всего лишь мертвое животное, – проворчал он. И все же он казался встревоженным. Захрустел снег под сапогами, отец обошел волчицу. – А почему она

погибла?

— Что-то застряло в ее горле, — отвечал Робб, гордясь, что нашел ответ на вопрос, прежде чем отец задал его. — Тут, сразу под челюстью.

Отец встал на колени и запустил руку под голову зверя. Сильным движением он извлек и показал, чтобы все видели, отломанный отросток рога, мокрый от крови.

Внезапное молчание вдруг окутalo отряд. Люди в смятении глядели на рог, никто не осмеливался заговорить. Даже Бран ощутил их страх, хотя не мог понять его причины.

Отец отбросил рог в сторону и вытер руки.

— Удивительно, что она протянула достаточно долго и успела ощениться, — сказал он мрачным голосом, разрывая молчание.

— Необязательно, — ответил Джори. — Говорят... словом, сука могла умереть раньше, чем появились щенки.

— Рожденные от мертвый, — заметил другой мужчина. — Счастья не будет.

— Не важно, — сказал Халлен. — Их все равно ждет смерть.

Бран испустил крик досады.

— Тогда чем скорее, тем лучше, — согласился Теон Грейджой, доставая меч. — Давай эту тварь сюда, Бран.

Кроха прижалась к нему, словно могла услышать и понять слова.

— Нет! — отчаянно выкрикнул Бран. — Он мой.

— Убери-ка меч, Грейджой, — сказал Робб, и в голосе его прозвучала отцовская повелительная нотка, напомнив о том, что когда-нибудь и он станет властным лордом. — Надо сохранить этих щенков.

— Этого нельзя делать, мальчик, — отвечал Харвин, сын Халлена.

— Милосердие велит убить их, — добавил Халлен.

В поисках поддержки Бран повернулся к лорду-отцу, но получил в ответ лишь хмурый, озабоченный взгляд.

— Халлен говорит правду, сын. Лучше быстрая смерть, чем медленная от холода и голода.

— Нет! — Бран ощутил, как слезы наполняют глаза, и отвернулся. Он не хотел плакать перед отцом.

Робб упрямно сопротивлялся.

— Рыжая сука сэра Родрика ощенилась на прошлой неделе, — сказал он. — Помет невелик, в живых осталось лишь два щенка. У нее хватит молока.

— Она разорвет их на части, когда они попытаются сосать.

— Лорд Старк, — проговорил Джон, обращаясь к отцу с непривычной официальностью. Бран поглядел на него с отчаянной надеждой. — Всего щенков пять. Троє кобельков, две суки.

— Ну и что из этого, Джон?

— У вас пятеро законных детей, — сказал Джон. — Троє сыновей, две дочери. Лютоволк — герб вашего дома. Эти щенки предназначены судьбой вашим детям, милорд.

Бран заметил, как лицо отца переменилось, все вокруг обменялись взглядами. В этот миг он любил Джона всем сердцем. Даже в свои семь лет Бран понял, на что пошел его брат. Счет сошелся лишь потому, что Джон исключил себя. Оставив девочек и даже младенца Рикона, но не посчитав себя самого —bastarda, носящего фамилию Сноу. Закон северных земель предписывает называться так любому несчастному, которому не выпала удача родиться с собственным именем.

Отец это прекрасно понял.

— Разве ты не хотел бы взять щенка и себе, Джон? — спросил он негромко.

— Отец, лютоволк украшает знамена Старков, — сказал Джон, — а я не Старк.

Лорд-отец задумчиво посмотрел на Джона. Робб торопливо попытался заполнить напряженное молчание.

— Я сам выкормлю щенка, — пообещал он. — Обмакну полотенце в теплое молоко и дам

ему пососать.

— Я тоже! — отозвался Бран.

Лорд Старк внимательно поглядел на своих сыновей.

— Легко сказать, труднее сделать. Я не хочу, чтобы вы тратили время своих слуг на пустяки. Если вам нужны щенки, кормите их сами. Понятно?

Бран ретиво закивал. Щенок пошевелился в его руке, лизнул в лицо теплым языком.

— Вы должны и воспитать их, — сказал отец. — Только самостоятельно. Псарь не подойдет к этим чудовищам, я это обещаю. И пусть боги помогут вам, если вы забросите их, озлобите и плохо обучите. Такой пес не станет молить подачки, его нельзя будет отбросить пинком. Лютоволк способен запросто отхватить человеку руку, как пес перегрызает крысу. Вы уверены, что хотите этого?

— Да, отец, — отвечал Бран.

— Да, — согласился Робб.

— Невзирая на все ваши старания, щенки могут умереть.

— Они не умрут, — обещал Робб. — Мы не допустим этого.

— Пусть тогда живут. Джори, Десмонд, заберите остальных щенков. Пора возвращаться в Винтерфелл.

Только когда все поднялись в седло и взяли с места, Бран позволил себе ощутить сладкий вкус победы. К тому времени его щенок уже устроился под кожаной одеждой, в тепле и безопасности. Бран все думал о том, как назвать его. На половине моста Джон внезапно остановился.

— Что такое, Джон? — спросил лорд-отец.

— Вы не слышите?

Бран слышал голос ветра в ветвях, стук копыт по доскам железного дерева, скрежет голодного щенка, но Джон внимал чему-то другому.

— Там, — сказал Джон. Развернув коня, он направился галопом через мост.

Все видели, как он спешился, наклонился над мертввой волчицей. И мгновение спустя направился назад улыбаясь.

— Наверное, отполз в сторону от остальных, — проговорил Джон.

— Или его прогнали, — сказал отец, глядя на последнего щенка, белого в отличие от серых сестер и братьев. Глаза его были красны, как кровь того оборванца, что умер этим утром. Бран удивился тому, что именно этот щенок уже открыл глаза, когда все остальные еще оставались слепыми.

— Альбинос, — с сухим удивлением сказал Теон Грейджой. — Этот умрет даже быстрее, чем все остальные.

Джон Сноу одарил воспитанника своего отца долгим холодным взглядом.

— Едва ли, Грейджой, — возразил он. — Этот принадлежит мне.

Кейтилин

Здешняя богороща никогда не нравилась Кейтилин.

Она родилась на юге — в Риверране, далеком теперь Быстроречье, у Красного Зубца, одной из трех рек, слившихся в Трезубец. Там богороща была садом, ярким и воздушным... там высокие краснодревы раскидывали пятнистые тени над звонкими ручьями, там птицы пели в гнездах, там воздух благоухал цветами.

Боги Винтерфелла любили другие леса. Мрачный первобытный уголок, три акра старого леса, нетронутый в течение десяти тысяч лет, и мрачный, как гнездо хищной птицы, замок над ним. Тут пахло влажной землей и гниением. Тут не рос красный лес. Упрямые страж-деревья в серо-зеленых игольчатых шубах сменялись могучими дубами и колоннами железоствола, древними, как сама округа. Тут толстые черные стволы теснились друг к другу, корявые ветви сплетались в плотный навес над головой, а уродливые корни выползали из-под земли. Тут царило глубокое молчание, властвовала задумчивая тень, и боги,

обитавшие в лесном kraю, имен не имели.

Но сегодня она знала, где искать своего мужа. Отобрав жизнь человека, Эддард всегда уходил в тишину богонощи.

Кейтилин была помазана семью елеями, она получила имя в радуге света, наполнявшей септу Риверрана. Ее боги имели имена, и лики их были знакомы ей, как лица родителей. Эту же веру исповедовали и дед ее, и прадед. Во время службы септон кадил благовониями, семигранный кристалл наполнялся живым светом, пели голоса. Как подобает великому дому, Талли содержали и богонощу, но только гуляли там, или читали, или лежали на солнце. Поклонение совершалось в септе. Для нее одной Эддард соорудил небольшую септу, чтобы она могла петь перед семью ликами Бога, но в жилах Старков до сих пор текла кровь Первых Людей, и муж ее поклонялся старым богам, безымянным и безликим божествам зеленого леса, позаимствованным у давно исчезнувших Детей Леса.

А в центре лужайки древнее чардрево размышило над небольшой запрудой, наполненной черной холодной водой. Сердце-дерево – называл его Нед. Кора чардрева белела обветренной костью, темно-алые листья казались тысячью замаранных в крови ладоней. На толстом стволе было вырезано лицо, длинное и задумчивое; глубоко ушедшие в кору глаза заплыли застывшим соком и казались странно внимательными. Они знали, что такое древность: эти глаза были старше самого Винтерфелла. Если не обманывали легенды, они видели, как Брандон-строитель заложил первый камень, они видели, как поднимались гранитные стены замка. Говорили, что Дети Леса вырезали лики на деревьях в столетия, предшествовавшие нашествию Первых Людей из-за Узкого моря.

На юге последние чардеревья были срублены или сожжены еще тысячу лет назад, если не считать острова Ликов, где белоствольные мужи еще несли свою безмолвную стражу. Здесь, на севере, все было иначе. Здесь у каждого замка была своя богоноща, и в каждой богоноще росло сердце-дерево, и у каждого сердце-дерева было лицо.

Кейтилин обнаружила своего мужа под чардревом, сидящим на заросшем мхом камне. Великий меч Лед лежал на его коленях, он омывал клинок в черных как ночь водах запруды. Слежавшийся за тысячелетия толстый слой почвы поглощал звук шагов Кейтилин, но красные глаза неотступно следили за ней со ствола дерева.

– Нед, – негромко позвала она.

Он угрюмо посмотрел на нее и спросил голосом далеким и официальным:

– Кейтилин, а где дети?

Муж всегда спрашивал ее о них.

– В кухне, они спорят о том, как назвать волчат. – Она расстелила свой плащ на дернине и села возле пруда спиной к чардреву. Кейтилин ощущала, как следят за ней глаза, но самым лучшим образом постаралась не замечать этого взгляда. – Арья уже влюбилась, Санса очарована и благодарна, Рикон еще не вполне все понял.

– Он боится? – спросил Нед.

– Немного, – признала она. – Но ему только три.

Нед нахмурился.

– Его пора учить встречаться лицом к лицу с собственным страхом. Три года ему не навечно. Потом, зима близко.

– Да, – согласилась Кейтилин. От слов этих, как всегда, по коже ее пробежал озноб. Слова Старков. В каждом благородном доме есть собственное речение: фамильные девизы, критерии, молитвы; одни хвастали честью и славой, другие обещали верность и правду, третья присягали в вере и отваге. Все, кроме Старков. Зима близко, сулили они. Кейтилин не впервые подумала о том, насколько же странный народ эти северяне.

– Беглец умер сегодня с достоинством, следует отдать ему должное, – проговорил Нед. Он водил по огромному мечу лоскутом промасленной кожи, полируя металл до темного блеска. – Я был горд за Брана, ты была бы довольна им.

– Я всегда горжусь Браном, – отвечала Кейтилин, разглядывая меч под руками мужа. Она угадывала волнующиеся глубины внутри клинка, где металл сотню раз смяли во время

ковки. Кейтилин не любила мечей, но не могла отрицать, что Льду присуща особенная краса. Меч выковали в Валирии, до того как Рок обрушился на Фригольд;³ кузнецы там обрабатывали металл не одними молотами, но и заклинаниями. Четыре сотни лет было мечу, и лезвие его ничуть не затупилось с того дня, когда мастер выпустил его из рук. Имя же сохранилось с еще более древних времен. Наследие века героев, когда Старки были Королями Севера.

– Уже четвертый в этом году, – мрачно заметил Нед. – Бедняга наполовину обезумел от страха, кто-то настолько перепугал его, что он просто не понимал моих слов. – Он вздохнул. – Бен пишет, что в Ночном Дозоре осталось меньше тысячи людей. И дело не только в дезертирах. Дозор теряет людей в стычках.

– С одичалыми? – спросила Кейтилин.

– А с кем же еще? – Нед поднял Лед, поглядел на длинную полосу холодной стали. – И будет только хуже. Может настать такой день, когда у меня не останется другого выхода, кроме как собрать все знамена и отправиться на север, чтобы раз и навсегда расправиться с этим Королем за Стеной.

– Отправиться за Стену? – От этой мысли Кейтилин поежилась.

Нед заметил промелькнувшее выражение ужаса на ее лице.

– Нам нечего страшиться Манса-налетчика.

– За Стеной обитают более страшные твари. – Она оглянулась на сердце-дерево, красные глаза на бледной коре следили, прислушивались, обдумывали свои долгие, неторопливые мысли.

– Ты слишком любишь слушать сказки старухи Нэн, – ответил Нед с мягкой улыбкой. – Иные мертвые, как и Дети Леса, они исчезли восемь тысячелетий назад. Мейстер Лювин докажет тебе, что они никогда не существовали. Никто из живых людей еще не видел их.

– До нынешнего утра ни один человек не видел и лютоволка, – напомнила ему Кейтилин.

– Когда споришь с Талли, следует обдумывать слова, – ответил Нед с горькой улыбкой и вдвинул Лед в ножны. – Но ты пришла не для того, чтобы рассказывать мне детские сказки; я знаю, насколько мало нравится тебе это место. Так в чем же дело, моя госпожа?

Кейтилин взяла мужа за руку.

– Сегодня пришли горестные вести, милорд. Я не хотела беспокоить тебя, пока ты не очистишься. – Смягчить удар было невозможно, поэтому она сказала прямо: – Мне так жаль, моя любовь. Умер Джон Аррен. – Их взгляды встретились, и она поняла, насколько тяжела утрата. Это легко было предвидеть. Нед провел свою юность воспитанником в Орлином Гнезде, бездетный лорд Аррен сделался вторым отцом и ему, и его приятелю Роберту Баратеону. Когда Безумный король Эйерис II Таргариен потребовал выдать обоих, лорд Орлиного Гнезда поднял свой стяг с луной и соколом и выступил против властелина, но не предал тех, кого должен был защищать. Ну а после того, пятнадцать лет назад, второй отец сделался также и братом Неда. Оба они стояли в септе Риверрана, сочетались браком с двумя сестрами, дочерьми лорда Хостера Талли.

– Джон... – проговорил он. – А весть достойна доверия?

– Письмо написано самим Робертом и запечатано королевской печатью. Я оставила его для тебя. Он написал, что лорда Аррена унесла быстрая хворь, даже мейстер Пицель оказался беспомощен, ему пришлось напоить Джона маковым молоком, чтобы тот меньше мучился.

– Да, это большая потеря, – проговорил он. Кейтилин видела горе на лице мужа, но и сейчас он в первую очередь подумал о ней. – А как твоя сестра? – спросил он. – И мальчик Джона? Что слышно о них?

– Написано, что с ними все в порядке и они возвратились в Орлиное Гнездо, –

³ Свободное владение.

проговорила Кейтилин. – Я бы хотела, чтобы они приехали в Риверран. В Гнезде высоко и одиноко, это дом ее мужа, а не ее собственный. Память о лорде Джоне будет наполнять каждый камень. Я знаю сестру. Она нуждается в утешении, в семье и друзьях вокруг себя.

– Ваш дядя ожидает ее в Долине, разве не так? Я слыхал, что Джон возвел его в Рыцари Ворот.

Кейтилин кивнула:

– Бринден сделает все возможное и для Лизы, и для мальчика. В этом немного утешения, но все же...

– Езжай к сестре, – предложил Нед. – Возьми детей; пусть ее дом наполнится шумом, криками, смехом. Ее мальчику нужна сейчас детская компания, да и Лиза будет не одна в своем горе.

– Хотелось бы мне это сделать, – проговорила Кейтилин. – Но в письме были и другие вести. Король едет в Винтерфелл, чтобы проводить тебя.

Нед не сразу понял ее, но когда до него дошло, мрак оставил его глаза.

– Значит, Роберт едет сюда? – Она кивнула, и улыбка промелькнула на его лице.

Кейтилин хотелось бы разделить счастье мужа. Но она уже слыхала разговоры во дворе: мертвая лютоволчица в снегу, сломанный рог в ее горле. Ужас свернулся внутри Кейтилин змеей, но она заставила себя улыбнуться любимому, не верящему в приметы.

– Я знала, что это порадует тебя, – сказала она. – Нам следовало бы послать весть твоему брату на Стену.

– Да, конечно, – согласился он. – Бен захочет приехать. Я скажу, чтобы мейстер Лювин послал самую быструю птицу. – Нед поднялся и погладил ее колено. – Проклятие, сколько же лет прошло? И Роберт не прислал предупреждения! Сколько людей в его отряде? В письме это сказано?

– По-моему, сотня рыцарей, каждый с собственной свитой, и еще столько же свободных всадников. Серсея и дети едут вместе с ними.

– Ради них Роберт замедлит ход, – проговорил Нед. – Неплохо, у нас будет больше времени, чтобы подготовиться к встрече.

– С ним едут и братья королевы, – сказала она.

Нед скривился. Кейтилин знала, что муж не испытывал особой любви к семье королевы. Ланнистеры с Кастили Рок, Бобрового утеса, выступили на стороне Роберта, только когда в его победе уже не оставалось сомнений, и Старк до сих пор так и не простил их.

– Ну что ж, если за общество Роберта приходится расплачиваться прикосновением к Ланнистерам, пусть будет так. Похоже, что Роберт взял с собой половину двора.

– Куда едет король, туда следует и королевство, – сказала она.

– Будет неплохо повидать их детей. Самый младший еще сосал титьку Ланнистерши, когда я в последний раз видел его. Теперь ему, должно быть, лет пять?

– Принцу Томмену семь, – вспомнила Кейтилин. – Столько, сколько и Брану. И пожалуйста, Нед, последи за языком. Твоя Ланнистерша – королева, и гордость ее только возрастает с каждым годом.

Нед пожал ее руку.

– Итак, будет пир с певцами, и Роберт захочет поразвлечься. Я пошлю Джори на юг с почетной охраной, чтобы встретить их на Королевском тракте и проводить до дома. Боги, как же мы всех накормим? Он уже в пути, ты сказала? Черт бы побрал эту королевскую толстокожесть!

Дейнерис

Брат поднял платье, показывая ей.

– Смотри, какая красота. Прикоснись. Пощупай эту ткань.

Дени прикоснулась к платью. Невероятно гладкая ткань, казалось, омыvalа ее пальцы

подобно воде. Дени не помнила, чтобы когда-нибудь носила столь мягкую одежду. Ткань пугала ее. Она отняла руку.

— Платье и в самом деле мое?

— Это подарок магистра Иллирио, — отвечал с улыбкой Визерис. Брат ее пребывал сегодня в хорошем настроении. — Ткань подчеркнет фиалковый цвет твоих глаз. Кроме того, ты получишь золото и всякие камни. Иллирио обещал. Сегодня ты должна выглядеть как принцесса.

Как принцесса, подумала Дени. Она уже и забыла, что это такое. А может быть, никогда и не знала.

— Почему же он дал нам столь много? — спросила она. — Чего он хочет от нас? — Уже почти полгода они обитали в доме магистра, ели его еду, пользовались услугами его лакеев. Дени уже исполнилось тринадцать, она прекрасно понимала, что в свободном городе Пентосе за так подарков не делают.

— Иллирио не дурак, — проговорил Визерис, тощий, нервный юноша с узкими ладонями и лихорадочным взглядом сиреневых глаз. — Магистр знает, что я не забуду друзей, когда сяду на престол.

Дени ничего не сказала. Магистр Иллирио торговал пряностями, самоцветами, драконьей костью и другими не менее драгоценными вещами. У магистра были друзья во всех девяти свободных городах, да и за ними, в Вейес Дотрак и сказочных землях возле Яшмового моря. Считали также, что всех своих друзей он самым любезным образом продавал за подходящую цену. Дени прислушивалась к разговорам на улицах и знала об этом, но предпочитала не смущать брата, когда он сплетал паутину своих мечтаний. Проснувшийся гнев его бывал ужасен... Визерис всегда предупреждал ее: «Не буди дракона!»

Визерис повесил платье возле двери.

— Иллирио пришлет рабынь, чтобы ты искупалась. Постарайся, чтобы от тебя не пахло конюшней. У кхала Дрого тысяча лошадей, но сегодня он ищет другую кобылу. — Брат оглядел ее критическим взглядом. — Опять сгорбилась. Распрямись. — Он хлопнул Дени ладонью по спине. — Пусть он увидит, что ты похожа на женщину. — Пальцы его мимоходом коснулись ее наливающейся груди и скжались на соске. — Ты не подведешь меня? Если что — хорошего не жди. Ты же ведь не хочешь разбудить дракона, правда? — Он жестоко ушипнул ее тело под грубой тканью. — Не хочешь, так? — повторил он.

— Нет, — робко ответила Дени.

Брат улыбнулся:

— Хорошо. — Он прикоснулся к ее волосам едва ли не с симпатией. — Тогда тот, кто напишет историю моего правления, милая сестрица, отметит, что оно началось сегодня ночью.

Когда он ушел, Дени направилась к окну и завистливым взглядом поглядела на воды залива. Заходящее солнце вычерчивало черные силуэты квадратных кирпичных башен Пентоса. Дени могла слышать пение красных жрецов, разжигавшихочные очаги, и крики оборванных детей, носившихся по улицам. На мгновение ей захотелось оказаться среди них — босой, запыхавшейся, в лохмотьях, без прошлого и будущего... только бы не присутствовать на пиру в доме кхала Дрого.

Где-то там, за закатом, за Узким морем, жила земля зеленых холмов, цветущих равнин и громадных бегущих рек; башни из темного камня вырастали между величественных голубых гор, рыцари в панцирях выезжали на битву под знаменами своих лордов. Дотракийцы звали эту землю Рейкс Андал — землей андалов. В Вольных Городах ее именовали Вестеросом и Закатными королевствами. Брат называл этот край проще.

— Наша земля, — говорил он. Слова эти он носил с собой словно молитву, которую надо повторять почше, чтобы боги наверняка услышали ее. — Земля принадлежит нам по праву рождения, она отнята у нас предательством, но она наша, наша навсегда. Кто сумеет обокрасть дракона? О нет, дракон не забудет.

Быть может, дракон и помнил, но Дени забыла. Она никогда не видела земли, которую брат называл своей, – страну, оставшуюся за Узким морем. Он рассказывал ей про Бобровый утес, иначе Кастерли Рок, Орлиное Гнездо, Хайгарден – Вышесад, Долину Аррен, Дорн, остров Ликов, но имена эти оставались для нее пустыми словами. Визерису было восемь, когда они бежали из Королевской Гавани, спасаясь от наступающей армии узурпатора, но Дейенерис тогда еще лежала в материинском чреве.

И все же иногда Дени представляла себе, как все было, – так часто брат рассказывал ей эту повесть. Они бежали ночью, чтобы пробраться к Драконьему Камню, черные паруса корабля блестели под луной. Она видела своего брата Рейегара бьющимся с узурпатором в кровавых водах Трезубца и погибшего ради любимой женщины. Видела и захват Королевской Гавани теми, кого Визерис называла псами узурпатора, – лордами Ланнистером и Старком. Видела принцессу Элию Дорнскую, еще молившую о милосердии, когда наследника оторвали от ее груди и убили перед глазами матери. Видела полированные черепа последних драконов, слепыми глазницами глядевшие со стен тронного зала на цареубийцу, золотым мечом перерубившего горло отца.

Дейенерис родилась на Драконьем Камне через девять месяцев после бегства, в жуткую летнюю бурю, едва не уничтожившую островок. Говорили, что штурм был ужасен. Стоявший на якоре флот Таргариенов разбрзлся о скалы. Волны выворотили из парапетов огромные каменные блоки и выкинули их в бурные волны Узкого моря. Мать умерла, рожая ее. Этого брат так и не простил Дейенерис.

Она не помнила и Драконьего Камня. Потом они снова бежали, как раз перед тем, как брат узурпатора поставил паруса на своем заново отстроенном флоте. К тому времени лишь Драконий Камень, древнее гнездо дома Таргариенов, остался от Семи Королевств, что прежде принадлежали роду. Долго это положение не могло сохраниться. Гарнизон уже был готов продать детей узурпатору, но однажды ночью сир Уиллем Дарри с четверкой верных ему людей ворвался в детскую, выкрал их обоих вместе с няней и под покровом темноты направился под парусом к безопасному браавосианскому берегу.

Она смутно помнила сира Уиллема, казавшегося ей огромным серым медведем, полуслепого, громкоголосого, выкрикивающего приказы с ложа. Слуги до ужаса боялись его, но с Дени он всегда был ласков. Он называл ее крохотной принцессой, иногда своей госпожой, и его ладони были мягкими, как старая кожа. Впрочем, он никогда не покидал постели, запах хвори не оставлял его день и ночь – жаркий, влажный, болезненно сладкий. Так было, пока они жили в Браавосе, в большом доме с красной дверью. У Дени там была собственная комната с лимонным деревом под окном. После того как сир Уиллем умер, слуги украли те небольшие деньги, которые оставались у них, и детей скоро выставили из большого дома. Дени плакала, когда красная дверь навсегда закрылась за ними. После этого они скитались – из Браавоса в Мир, из Мира в Тирош, а потом в Квохор, Валантис и Лисс, не задерживаясь подолгу на одном месте. Брат твердил, что их преследуют нанятые узурпатором наемные убийцы, хотя Дени так и не видела ни одного из них. Поначалу магистры, архонты и старейшины купцов с удовольствием принимали последних Таргариенов в свои дома и к столам, но годы шли, узурпатор невозмутимо восседал на железном троне, и двери закрылись, заставив их жить скромнее. Им пришлось продать последние оставшиеся драгоценности, а теперь ушла и монета, которую они взяли из короны матери. В переулках и питейных заведениях Пентоса ее брата звали королем-попрошайкой. Дени не хотелось бы узнать, как они звали ее.

– Мы все вернем, милая сестрица, – обещал ей Визерис. Иногда в эти моменты его руки начинали трястись. – Драгоценности и шелка, Драконий Камень и Королевскую Гавань, Железный трон и Семь Королевств, все, что они отняли у нас, мы вернем обратно.

Визерис жил только ради этого дня, а Дейенерис хотела одного: вернуться в большой дом с красной дверью, чтобы возле окна росло дерево, усыпанное лимонами, чтобы вернулось детство, которого она никогда не знала.

В дверь негромко постучали.

— Войдите, — сказала Дени, отворачиваясь от окна. Вошли слуги Иллирио, поклонились и приступили к делу. Это были рабы, подаренные одним из многочисленных друзей магистра среди дотракийцев. В свободном городе Пентосе рабства не существовало, но тем не менее... Старуха, невысокая и серая, как мышь, не проронила ни слова, зато девушка старалась за обеих. Темноволосая, синеглазая, лет шестнадцати, она была фавориткой Иллирио и трещала не умолкая.

Они наполнили ванну горячей водой, доставленной из кухни, и надушили благоуханными маслами. Девушка стянула грубую льняную рубаху через голову Дени и помогла ей забраться в ванну. Вода обожгла, но Дейенерис не дернулась и не вскрикнула: она любила тепло, дававшее ей ощущение чистоты. К тому же брат часто говорил ей: «Таргариенам не бывает жарко. Мы принадлежим к дому Дракона. Огонь растворен в нашей крови».

Сохраняя молчание, старуха вымыла ее длинные серебристые волосы и аккуратной, ласковой рукой расчесала их. Тем временем девушка терла спину и ноги Дейенерис и говорила, как ей повезло:

— Дрого такой богатый, что даже его рабы носят золотые ошейники. В кхаласаре его ездит сотня тысяч мужчин, а дворец в Вейес Дотрак располагает двумя сотнями комнат — в которые ведут двери из литого серебра. Но самое важное — это какой он видный мужчина. Высокий, свирепый, бесстрашный в битве и не знающий промаха; наездник, лучший его, еще не садился на спину коня.

Дейенерис молчала. Она всегда предполагала, что выйдет замуж за Визериса, когда достигнет возраста. Век за веком Таргариены выдавали сестру за брата — начиная с Эйегона-завоевателя, бравшего в жены собственных сестер. Следует хранить чистоту крови. Визерис тысячу раз говорил ей, что в их жилах течет кровь королей, золотая кровь древней Валирии, кровь Дракона. Драконы ведь не соединялись с полевыми зверями, так и Таргариены не мешали своей крови с кровью простонародья. Но Визерис решил продать сестру варвару.

Когда она всплыла, рабыни помогли ей выбраться из воды и вытерли досуха. Девушка расчесывала ей волосы до тех пор, пока они не засияли, как расплавленное серебро, а старуха надушила ее тело цветочными ароматами дотракийских равнин: по капле на каждое запястье, позади ушей, на кончики грудей и, наконец, последнее холодное прикосновение — к губам, что между ее ног.

Они надели на Дейенерис вуаль, которую прислал магистр Иллирио, а потом облачили в платье; сливовый шелк подчеркивал фиалковый цвет ее глаз. Девушка надела на ноги Дени золоченые сандалии, а старуха закрепила в волосах тиару и застегнула на руках золотые браслеты, украшенные аметистами. Последним было наплечье — тяжелая золотая гривна, украшенная старинными валийскими иероглифами.

— Настоящая принцесса, — выдохнула девушка, когда они закончили. Дени поглядела на свое отражение в зеркале, которое Иллирио предусмотрительно ей прислал. Принцесса, подумала она, но вспомнила слова девушки о том, что кхал Дрого настолько богат, что даже рабы его носят золотые ошейники. Она ощутила внезапный холод, озноб, и гусиная кожа выступила на ее обнаженных руках.

Брат ожидал ее в прохладе прихожей. Сидя на краю бассейна, он водил пальцами по воде. Визерис поднялся, заметив сестру, и критически оглядел ее.

— Стань здесь, — сказал он. — Повернись. Да, хорошо. Ты выглядишь...

— Царственной, — проговорил магистр Иллирио, появившийся под аркой входа. Он двигался с удивительной легкостью для столь массивного человека. Свободное одеяние из огненного шелка укрывало слои трясущегося жира. На каждом пальце поблескивали драгоценные камни, и он умастил свою раздвоенную желтую бороду, доведя ее до золотого блеска.

— Пусть Повелитель Света осыплет тебя благословениями в самый удачный день твоей жизни, принцесса Дейенерис, — проговорил магистр, взяв ее за руку. Он поклонился, на миг

показав желтые зубы в золоте бороды. – Она просто видение, светлейший, просто видение, – сказал он брату. – Дрого будет покорен.

– Слишком уж худа, – отозвался Визерис. Волосы того же серебристого цвета, что и у сестры, у него были туго зачесаны назад и скреплены брошью из драконьей кости. Прическа подчеркивала жесткое и сухое лицо принца. Он опустил руку на рукоять меча, который Иллирио одолжил ему, и спросил:

– А вы уверены, что кхал Дрого любит именно таких молодых женщин?

– Важно ее происхождение. Ваша сестра созрела для кхала, – повторил ему Иллирио уже не в первый раз. – Поглядите на нее. Серебристо-золотые волосы, фиалковые глаза... в ней видна кровь старой Валирии, вне сомнения, вне сомнения... И знатность – дочь старого короля и сестра нового, она не может не увлечь нашего друга. – Когда брат выпустил ее руку, Дейенерис поняла, что дрожит.

– Может быть, – с сомнением отвечал Визерис. – У дикарей странные вкусы. Мальчики, лошади, овцы...

– Лучше не говорить об этом при кхале Дрого, – проговорил Иллирио.

Гнев блеснул в сиреневых глазах ее брата.

– Вы принимаете меня за дурака?

Магистр чуть поклонился.

– Я принимаю вас за короля. А владыкам несвойственна природная осторожность обычного человека. Прошу простить, если обидел вас. – Иллирио отвернулся и хлопнул в ладоши, призывая носильщиков.

На улицы Пентоса пала темная, как смоль, ночь, когда они выехали в паланкине Иллирио, украшенном тонкой резьбой. Двоих слуг впереди освещали дорогу причудливыми масляными фонарями из бледного стекла, дюжина сильных мужчин несла шесты на плечах. Было тепло, занавески лишь усиливали духоту. За крепким запахом духов Дени ощущала вонь пухлой плоти Иллирио.

Брат, распростершийся на подушках возле нее, ничего не замечал. Ум его был далеко, в стране за Узким морем.

– Нам не потребуется весь кхаласар, – сказал Визерис. Пальцы его играли рукоятью чужого клинка, хотя Дени знала, что он никогда еще не использовал меч по назначению. – Десяти тысяч будет довольно. Я покорю Семь Королевств с десятью тысячами крикунов-дотракийцев. Страна поднимется на защиту своего законного короля. Тирелл, Редвин, Грейджой любят узурпатора не больше, чем я. Дорнцы рвутся отомстить за Элию и ее детей. Простонародье поддерживает нас. Они всегда за короля. – Он озабоченно посмотрел на Иллирио. – Так, я не ошибаюсь?

– Это ваш народ, и они любят вас, – дружелюбно отвечал магистр Иллирио. – В твердынях по всему государству люди втайне поднимают тосты за ваше здоровье, женщины же вышивают на знаменах драконов и прячут их до того дня, когда вы возвратитесь из-за моря. – Он пожал плечами. – Так утверждают мои агенты.

У Дени не было агентов, и она не могла узнать, что думают или делают за Узким морем, однако принцесса не верила ласковым словам Иллирио, как и не верила купцу вообще. Брат же ретиво кивал.

– Я сам убью узурпатора, – обещал он, юноша, еще не проливший ни капли крови, – как убил он моего брата Рейегара. И Ланнистера-цареубийцу за то, что он сделал с моим отцом.

– Достойный поступок, – проговорил магистр Иллирио, и Дени заметила тень улыбки, скривившей его губы, но брат не видел ничего. Кивнув, Визерис отодвинул занавеску и принял смотреть в ночь. Дени поняла, что в мечтах он вновь сражается при Трезубце.

Девятибашенный дом кхала Дрого расположился возле залива, высокие кирпичные стены его заросли плющом. Как объяснил им Иллирио, дворец представили кхалу магистры Пентоса. Свободные города всегда соблюдали вежливость в обращении с владыками кочевников.

– Не то чтобы мы боялись этих варваров, – повествовал Иллирио с улыбкой. – Повелитель Света защитит наш город от миллиона дотракийцев, так обещают красные жрецы... Но зачем рисковать, когда дружба обходится столь дешево?

Паланкин остановился у ворот, один из телохранителей без всякой учтивости отодвинул занавески. Дотракицэт, меднокожий, темноглазый и безбородый, в рогатом бронзовом шлеме Безукоризненных, обдал их холодным взглядом. Магистр Иллирио буркнул ему что-то на грубом дотракийском языке, страж ответил подобными словами и пропустил их через ворота. Дени заметила, как рука ее брата стиснула рукоятку одолженного меча. Он был тоже испуган, как и она.

– Надменный евнух, – пробормотал Визерис, пока паланкин, дергаясь, поднимался к дворцу.

Магистр Иллирио отвечал медовыми речами:

– Сегодня на пиру будет много важных людей. У таких людей есть враги. Кхал должен защитить своих гостей, и главные среди них вы с сестрой, светлейший. Вне сомнения, узурпатор готов хорошо заплатить за вашу голову.

– О да, – жестко ответил Визерис. – Он уже пытался это сделать, Иллирио. Не сомневайтесь в этом. Его наемные убийцы повсюду преследуют нас. Я – последний дракон, и он не может заснуть спокойно, пока не отнимет у меня жизнь.

Паланкин замедлил ход и остановился. Занавеси отодвинули, и раб предложил руку, чтобы помочь Дейенерис выйти. Она отметила, что наплечье его сделано из обычной бронзы. Брат последовал за ней, не отнимая руки от рукояти меча. Потребовались усилия двух сильных людей, чтобы Иллирио приподнялся на ноги.

Внутри замка воздух насквозь пропах благовониями, огненной понюшкой, сладким лимоном и киннамоном. Гостей провели по прихожей, где мозаика из цветного стекла изображала гибель Валирии. В черных железных фонарях, развешанных на стене, горело масло. Под аркой из переплетенных каменных листьев евнух воспевал их приход.

– Визерис из дома Таргариенов, третий носитель своего имени, – провозгласил он тонким и сладким голосом, – король андалов, ройнаров и Первых Людей, владыка Семи Королевств и Хранитель Областей. Его сестра, Дейенерис Бурерожденная, принцесса Драконьего Камня. Его достопочтенный хозяин Иллирио Мопатес, магистр свободного города Пентос.

Миновав евнуха, они вошли во двор, окруженный заросшей плющом колоннадой. Лунный свет разрисовывал листья оттенками кости и серебра, вокруг расхаживали гости. Среди них было много дотракийских конных владык, рослых мужей с красно-коричневой кожей; вислые усы перехвачены металлическими кольцами, черные волосы намаслены, расчесаны и увешаны колокольчиками. Были тут и наемники из Пентоса, Мира и Тироша; красный жрец, толщиной превышавший Иллирио; косматые жители Порт-Иббена и князья с Летних островов, кожа которых показалась ей темнее эбенового дерева. Дейенерис оглядела собравшихся с удивлением и с внезапным ужасом поняла, что, кроме нее, женщин здесь нет.

Иллирио шепнул им:

– Вот эти трое – кровные всадники Дрого. Возле столба стоит кхал Моро с сыном Рхогоро. Тот зеленобородый – брат архонта Тироша, а позади него – сир Джорах Мормонт.

Последнее имя заинтересовало Дейенерис:

– Это рыцарь?

– Никак не менее. – Иллирио улыбнулся сквозь бороду. – Помазанный семью елеями самим верховным септоном.

– А что он делает здесь? – выпалила она.

– Узурпатор искал его головы, – объяснил Иллирио. – Из-за какой-то пустячной ссоры. Сир Джорах продал каких-то бродяг тирошскому работорговцу, вместо того чтобы передать их Ночному Дозору. Абсурдный закон. Человек должен иметь право поступить с такими людьми, как ему угодно.

– Мне бы хотелось переговорить с сиром Джорахом Мормонтом, прежде чем ночь

закончится, — проговорил ее брат. Дени обнаружила, что и сама смотрит с любопытством на рыцаря. Человек пожилой, лысеющий и уже миновавший сорокалетие, он сохранил силу и крепость. Вместо шелка и хлопка на нем были кожа и шерсть. Темно-зеленую тунику украшало изображение черного медведя, стоящего на задних лапах.

Дейнерис все еще глядела на этого странного человека, родившегося в ее отечестве, когда магистр Иллирио положил влажную ладонь на ее плечо.

— Нам туда. А вон там, милая принцесса, — прошептал он, — там находится кхал собственной персоной. — Дени хотелось спрятаться и убежать, но брат глядел на нее, и, не угодив ему, она, конечно, разбудила бы дракона. С тревогой она обернулась и поглядела на человека, который, как надеялся Визерис, попросит ее руки, прежде чем закончится ночь.

Рабыня не слишком уж ошибалась, подумала она. Кхал Дрого был на целую голову выше самого высокого из мужчин в этом зале, но вместе с тем двигался легко и изящно, словно пантера в зверинце Иллирио. Кхал оказался моложе, чем она думала, и еще не достиг тридцати лет. Кожа Дрого отливалась полированной бронзой, густые усы украшали золотые кольца.

— Я должен приблизиться и принести кхалу собственное приветствие, — проговорил магистр Иллирио. — Подождите здесь, я приведу его.

Когда Иллирио, переваливаясь, направился к кхалу, брат взял Дени за руку, болезненно сжимая ее ладонь пальцами.

— Видишь его косу, милая сестрица?

Коса Дрого, черная как ночь и тяжелая от ароматных масел, была увешана крошечными колокольчиками, позвякивавшими, когда он двигался. Коса эта опускалась ниже пояса, ниже ягодиц кхала, доставая концом бедер.

— Видишь, какая длинная? — спросил Визерис. — Когда дотракиец терпит поражение в поединке, он отрезает свою косу в знак унижения, чтобы мир знал о его позоре. Кхал Дрого никогда не проигрывал поединка. Он вновь рожденный Эйегон, Повелитель Драконов, и ты будешь его королевой.

Дени поглядела на кхала Дрого. Лицо его показалось ей жестоким и жестким, глаза холодными и темными, словно оникс. Брат иногда причинял ей боль, когда она будила дракона, но Визерис никогда не пугал ее так, как этот человек.

— Я не хочу быть его королевой, — проговорила она тоненьkim голоском. — Прошу тебя, прошу тебя, Визерис, пойдем домой.

— Домой? — отвечал он негромко, но так, чтобы она могла слышать ярость в его тоне. — И как же мы попадем домой, милая сестрица? Родной дом у нас отобрали. — Визерис увлек сестру в тень подальше от посторонних глаз, и пальцы впились в ее кожу. — И как же мы вернемся домой? — повторил он, имея в виду Королевскую Гавань, Драконий Камень и ту страну, которую они потеряли.

Дени, конечно, имела в виду лишь их комнату у Иллирио, а не истинный дом, но брат не хотел и слушать об этом. У него здесь не было дома. И тот большой дом с красной дверью не являлся ему родным. Пальцы Визериса впились в ее руку, он ждал ответа.

— Не знаю, — наконец дрожащим голосом проговорила она. Слезы закипали в глазах Дени.

— А я знаю, — отвечал он резко. — Мы направимся домой во главе войска, милая сестрица. Во главе войска кхала Дрого, вот так мы вернемся домой. И если для этого тебе нужно выйти за него замуж и лечь с ним в постель, значит, ты сделаешь это. — Он улыбнулся.

— Я бы позволил всему его кхаласару отодрать тебя, моя милая сестрица, всем сорока тысячам мужчин и их жеребцам, если бы таким образом смог получить для себя войско. Радуйся, что тебя ждет только Дрого. Со временем он, может быть, тебе даже понравится. А теперь просуши глаза. Иллирио ведет его сюда, и кхал не должен видеть твоих слез.

Дени повернулась и увидела, что магистр Иллирио, сладко улыбаясь, с поклонами уже подводит кхала Дрого к месту, где они стояли. Она смахнула неупавшие слезы тыльной стороной ладони.

— Улыбнись, — нервно шепнул Визерис, положив руку на рукоять меча. — И стой прямо. Пусть он увидит, что у тебя есть грудь. Боги знают, что она и так невелика.

Дейенерис улыбнулась и стала прямо.

Эддард

Гости хлынули в ворота замка рекой золота, серебра и полированной стали; отряд в три сотни мечей, горделивые знаменосцы и рыцари, присягнувшие наемники и вольные всадники. Над их головами северный ветер теребил дюжину золотых знамен, расшитых венценосным оленем Баратеонов.

Нед знал многих. Вот сир Джейме Ланнистер, с волосами светлыми, как кованое золото, а вот промелькнуло жуткое обгорелое лицо Сандора Клигана. Высокий юноша возле него мог быть только кронпринцем, а тот коротышка позади них, безусловно, Бес, Тирион Ланнистер.

Но рослый мужчина, возглавлявший отряд, которого сопровождали по бокам два рыцаря в снежно-белых плащах королевской гвардии, показался Неду почти неузнаваемым... пока не соскочил со спины боевого коня со знакомым ревом и не приступил к сокрушающим кости объятиям.

— Нед! Ах, как я рад снова видеть твою ледяную физиономию! — Король оглядел его сверху донизу и расхохотался. — А ты вовсе не переменился.

Неду хотелось бы сказать то же самое. Миновало пятнадцать лет с той поры, как они выехали, чтобы отвоевать престол, и тогда владыка Штормового Предела был чисто выбрит, светлоглаз и мускулист, как девичья мечта. Шести с половиной футов ростом, он и так возвышался над окружающими, но, надевая броню и великий рогатый шлем своего дома, становился истинным гигантом. И сила у него была под стать обличью: Роберт в сражениях предпочитал шипастый боевой молот, который Нед едва мог поднять. В те дни запах крови и кожи пропитывал его, словно духи. Ну а теперь к нему прилип запах настоящих духов, и пузо выросло под стать росту. Нед в последний раз видел короля девять лет назад, во время битвы Беелона Грейджоя, когда олень и лютоволк объединились, чтобы покончить с претензиями владыки Железных Островов, провозгласившего себя королем. С той ночи, когда они стояли бок о бок в павшей твердыне Грейджоя, где Роберт принял капитуляцию восставшего лорда, а Нед взял в заложники и воспитанники его сына Теона, король набрал не менее восьми стоунов.⁴ Борода, грубая и черная, словно железная проволока, покрывала его щеки, пряча двойной подбородок, но ничто не могло спрятать его брюхо и черные круги под глазами.

И все же Роберт был теперь королем Неда, а не просто другом, поэтому он отвечал согласно этикету:

— Светлейший государь, Винтерфелл к вашим услугам.

К этому времени начали спешиваться, и все остальные, конюхи двинулись, чтобы увести коней. Королева Роберта Серсея Ланнистер вошла в ворота пешком вместе со своими младшими детьми. Кибитка, в которой они ехали, точнее, огромная двухэтажная повозка из умащенного маслом дерева и позолоченного металла, влекомая сорока тяжеловозами, была слишком велика, чтобы пройти в ворота замка. Нед встал на колено в снег, чтобы поцеловать кольцо королевы, а тем временем Роберт обнял Кейтилин, словно давно потерянную сестру. Потом позвали детей, их представили, и обе стороны одобрили молодежь.

Когда официальное приветствие и все формальности были совершены, король сказал хозяину:

— Отведи меня в свою крипту, Эддард, я должен отдать дань памяти.

Неду понравилось, что король не позабыл его сестру. А ведь прошло столько лет! Он

⁴ 1 стоун = 14 фунтов, около 50 кг.

крикнул, чтобы принесли фонарь. Других слов было не нужно. Королева немедленно начала протестовать. Они ехали с самого рассвета, все устали и замерзли и, конечно, в первую очередь должны привести себя в порядок. Мертвые могут и подождать. Лишь только она начала ворчать, Роберт поглядел на нее, а брат-близнец Джейме сжал королеве руку. Ей пришлось замолчать.

Потом они вместе отправились в крипту: Нед и король, которого он едва узнал. Вились крутые каменные ступеньки. Нед шел первым с фонарем в руках.

— А я уже думал, что мы никогда не доберемся до Винтерфелла, — пожаловался Роберт спускаясь. — Когда на юге мне говорят о моих Семи Королевствах, то обычно забывают, что твоя часть больше всех шести остальных.

— Полагаю, путешествие было приятным, светлейший?

Роберт фыркнул:

— Болота, леса и поля, изредка попадались приличные постоянные дворы, но к северу от Перешейка их почти нет. Я никогда не видел подобных диких просторов. А где же твой народ?

— Должно быть, перепугались и спрятались, — пошутил Нед. Он ощущал поднимающийся по лестнице холод земных глубин. — Короли редко показываются на севере.

Роберт усмехнулся:

— Скорее всего зарылись в снег. В снег, Нед! — Король оперся рукой о стену, чтобы не упасть.

— Поздним летом снег у нас выпадает нередко, — проговорил Нед. — Надеюсь, эта пороша не смущила тебя. Снега выпало немного.

— Это Иным, может быть, немного. — Роберт выругался. — На что же похож Винтерфелл зимой? Боюсь и подумать.

— Зимы здесь суровы, — согласился Нед. — Но Старки живут. Нам зимовать не впервые.

— Тебе нужно съездить на юг, — сказал Роберт, — хотя бы посмотреть, каким бывает лето, прежде чем оно закончится. Заглянуть в Вышесад, там золотые розы покрывают целые поля, уходящие вдаль так далеко, как может видеть глаз. Плоды становятся такими спелыми, что просто лопаются во рту, — дыни, тыквы, огненные сливы, ты никогда не пробовал подобной сладости. Но я кое-что привез. Даже в Штормовом Пределе, когда добрый ветер дует с залива, дни настолько жарки, что не хочется шевелиться. Посмотрел бы ты сейчас на наши города, Нед! Цветы повсюду, рынки полны еды, летние вина так дешевые и добры, что пьянеешь от одного запаха. Вокруг одни только подгулявшие богатые толстяки. — Король расхохотался и шлепнул себя по объемистому животу.

— Ну а девицы, Нед! — воскликнул Роберт, и глаза его заиграли. — Уверяю тебя, жара заставила женщин забыть о всякой скромности. Они купаются голыми в реке как раз возле замка, на улицах слишком парит, чтобы носить шерсть или мех, поэтому они ходят в коротких платьях, в шелке — если у них есть монеты, — но даже если это простая материя, пот заставляет платья липнуть к телу, и они кажутся голыми. — Король блаженно расхохотался.

Роберт Баратеон всегда обладал неуемным аппетитом и умел брать от жизни все удовольствия. Никто не мог бы обвинить в этом Эддарда Старка. И все же Нед с сожалением заметил, сколь тягостный отпечаток оставили плотские радости на внешности короля. К тому времени, когда они достигли подножия лестницы, Роберт успел запыхаться, лицо его побагровело.

— Светлейший, она в дальнем конце, вместе с отцом и Брандоном, — почтительно сказал Нед, описывая фонарем широкий полукруг. Тени двигались и шевелились. Мерцающий свет прикасался к камням под ногой, вырисовывал длинную процессию гранитных столбов, попарно маршировавших вперед во тьму. Между столбами на каменных тронах возле стены сидели изваяния усопших, припав спиной к склепам, хранившим их смертные останки.

Нед отправился вперед, и Роберт молча последовал за ним, поеживаясь от подземного холода. Тут всегда было зябко. Звук шагов по камню отдавался над головой; они словно бышли мимо строя мертвцев дома Старков. Покойные лорды Винтерфелла следили за шагами

пришельцев. Длинными рядами сидели подобия здешних хозяев на камнях, запечатавших гробницы, их слепые глаза разглядывали вечную тьму, а огромные каменные лютоволки лежали, свернувшись, возле каменных ног. Казалось, что тени заставляют каменные фигуры шевелиться, пропуская мимо себя живых. По древнему обычаю, на колени каждому, кто был лордом Винтерфелла, клали длинный железный меч, чтобы дух доблести оставался в своей гробнице. Меч родоначальника давно рассыпался в прах, оставив лишь несколько красных пятен там, где металл соприкасался с камнем. Нед подумал, что теперь самые древние призраки могут бродить по замку. Оставалось надеяться, что это не так. Первые лорды Винтерфелла были людьми жесткими, как и та земля, которой они правили. В те столетия, что предшествовали появлению повелителей драконов из-за моря, Старки никому не приносили присяги, собственной волей именуя себя Королями Севера.

Нед остановился возле последней гробницы и поднял масляный фонарь. Здесь оканчивались запечатанные гробницы, но крипта тянулась и дальше, зияющие черные дыры ожидали постояльцев: и его самого, и детей. Неду не хотелось даже думать об этом.

— Здесь, — сказал он королю.

Роберт безмолвно кивнул, преклонил колени и нагнулся голову.

В этом месте бок о бок располагались три гробницы. Вот длинное суровое лицо короля лорда Рикарда Старка, отца Неда. Камнетес хорошо знал своего господина. Он глядел вперед со спокойным достоинством, каменные пальцы сжимали меч, лежащий на его коленях. Но при жизни все мечи подвели его. В двух меньших гробницах по обе стороны от него лежали его дети.

Брандону было двадцать, когда он был удавлен по приказу Безумного короля Эйериса Таргариена за несколько дней до свадьбы с Кейтилин Талли из Риверрана. Отца заставили видеть смерть сына. Брандон был истинным наследником земель — первенцем, рожденным, чтобы править.

Лианне было всего лишь шестнадцать, еще ребенком она обещала стать женшиной невероятного очарования. Нед любил ее всем сердцем. Роберт еще сильнее. Она была его невестой.

— Ее красоту невозможно передать в камне, — сказал король, помолчав. Глаза его задержались на лице Лианны, словно он все еще надеялся вернуть ее к жизни. Наконец грузный король неловко поднялся на ноги. — Ах, проклятие мне. Неужели ты не мог ее похоронить в другом месте? — Голос его был полон горя. — Она заслуживала света, а не тьмы...

— Она родом из Старков, господ Винтерфелла, — отвечал Нед спокойно. — Нам положено лежать здесь.

— Лианну можно было положить на вершине холма под плодовое дерево, чтобы она видела солнце и облака, а дождь омывал ее.

— Я был возле сестры, когда она умерла, — напомнил Нед королю. — Она решила вернуться домой, чтобы лечь на покой возле Брандона и отца. — Он, казалось, все еще слышал ее голос. «Обещай мне это, — попросила она его в комнате, пропахшей кровью и розами. — Обещай мне это, Нед».

Лихорадка украла силы, и голос ее был тих, но едва он дал свое слово, страх оставил глаза сестры. Нед вспомнил, как она улыбнулась, как стиснули руку ее пальцы, когда она перестала бороться за жизнь и выпустила из ладони мертвые розовые лепестки. Больше он ничего не помнил. Онемевшего от горя, его нашли возле тела сестры. Хоуленд Рид — тот, что из поселка на озере, — разнял их руки.

— Я ношу ей цветы, когда удается, — сказал Нед. — Лианна... любила цветы.

Король прикоснулся к изваянию, пальцы скользнули по грубому камню столь же мягко, как по живой плоти.

— Я поклялся убить Рейегара за то, что он сделал с ней.

— Ты и убил его, — напомнил ему Нед.

— Но только однажды, — с горечью отвечал Роберт.

Это было так давно. Возле Трезубца они сошлись вместе, вокруг бушевала битва. Роберт при своем боевом молоте, в огромном рогатом шлеме напал на облаченного в черный панцирь таргариенского принца. На нагрудной пластине того был вычеканен знак дома – трехголовый дракон, осыпанный рубинами, сверкавшими подобно пламени. Багряные воды Трезубца омывали копыта их боевых коней, они сходились снова и снова, и наконец последний сокрушительный удар молота Роберта разбил и дракона, и грудь под ним. Когда Нед наконец явился к месту событий, Рейегар уже лежал мертвым в потоке, а воины обеих армий копошились в грязи, разыскивая вылетевшие из панциря рубины.

– Мне снится, что я убиваю его, каждую ночь, – признался Роберт. – Но и тысячи смертей ему мало, он заслуживает большего.

На это Неду нечего было ответить. Помолчав, он сказал:

– Пора бы возвратиться, светлейший государь, ваша жена ждет.

– Чтоб Иные побрали мою жену, – кисло пробормотал Роберт, но направился назад, тяжело топая в темноте. – И если я еще раз услышу «светлейший», то велю насадить твою голову на пике. Мы слишком близки друг другу, чтобы пользоваться подобным титулом.

– Я этого не забыл, – проговорил тихо Нед. Молчание затянулось, и он попросил: – Расскажи мне о Джоне...

Роберт покачал головой:

– Я никогда не видел, чтобы человек заболевал так внезапно. Мы устраивали турнир в честь именин моего сына. Если бы ты видел в этот день Джона, то поклялся бы, что ему суждена вечная жизнь. Две недели спустя он был уже мертв. Болезнь опалила его нутро. Она прожгла его нас kvозь. – Король остановился у колонны возле гробницы одного из давно усопших Старков. – Мне нравился этот старик.

– Мне тоже. – Нед помедлил мгновение. – Кейтилин боится за свою сестру. Как Лиза справляется с горем?

Рот Роберта горько скривился.

– Не слишком-то хорошо, если честно, – признался он. – По-моему, смерть Джона заставила ее свихнуться. Она увезла мальчишку в Орлиное Гнездо. Против моего желания. Я надеялся воспитать его у Тайвина Ланнистера на Бобровом утесе. У Джона нет братьев и сыновей. Неужели я могу допустить, чтобы его сына воспитывали женщины?

Нед скорее доверил бы дитя подколодной змеюге, чем лорду Тайвину, однако он оставил свое мнение невысказанным. Иногда старые раны не исцеляются до конца и вновь кровоточат при первом упоминании.

– Жена потеряла мужа, – тщательно выбирая слова, проговорил он. – Быть может, мать страшится потерять сына. Мальчик еще очень юн.

– Ему шесть, он хвор и к тому же лорд Орлиного Гнезда, да смируются над ним боги. – Король помолчал немного и выругался. – Лорд Тайвин никогда не брал себе воспитанников. Лиза должна была чувствовать себя польщенной. Ланнистеры – весьма благородный дом, но она и слушать меня не стала, уехала среди ночи, даже не спросив разрешения. Серсея была в гневе. – Он глубоко вздохнул. – Мы с мальчиком тезки, или ты не знал этого? Его имя Роберт Аррен. Я поклялся защищать его. А как я могу сделать это, после того как собственная мать похитила Роберта?

– Я могу взять мальчика на воспитание, если ты хочешь, – сказал Нед. – Лиза согласится на это. Они с Кейтилин были в детстве близки, в Винтерфелле будут рады и ей.

– Благородное предложение, друг мой, – сказал король, – но, увы, запоздалое. Лорд Тайвин уже дал согласие. Он оскорбится, если я передам мальчика на воспитание в другое место.

– Меня более заботит благодеяние моего племянника, чем гордость Ланнистеров.

– Это ты говоришь потому, что тебе не приходилось спать с представительницей их рода, – расхохотался Роберт, звук загрохотал между гробниц и несколько раз отразился от сводчатого потолка. Вспыхнула улыбка: в чащобе огромной черной бороды блеснули белые зубы. – Ах, Нед, – сказал король. – Ты по-прежнему серьезен. – Он обнял тяжелой

рукой плечи Неда. – Я намеревался поговорить с тобой через несколько дней, но теперь в этом нет нужды. Пойдем!

Они шли между колонн. Слепые каменные глаза, казалось, провожали их. Король не снимал свою руку с плеч Неда.

– Ты, конечно, не догадываешься о причине моего визита в Винтерфелл после столь долгого перерыва?

У Неда были некоторые подозрения на сей счет, однако он не стал говорить о них.

– Чтобы порадоваться моему обществу, – ответил он непринужденно. – Кроме того, нельзя забывать о Стене. Тебе надо бы посмотреть на нее, светлейший, пройтись поверху, поговорить с теми, кто защищает ее. Ночной Дозор стал тенью прежнего своего величия. Бенджен утверждает...

– Вне сомнения, я услышу слова твоего брата из его собственных уст и достаточно скоро, – проговорил Роберт. – Сколько жостояла Стена... восемь тысячелетий? Продержится еще несколько дней. У меня есть более насущные дела. Наступают трудные времена, мне нужны надежные люди. Люди, подобные Джону Аррену. Он служил мне как лорд Орлинного Гнезда, как Хранитель Востока, как десница короля. Джона трудно заменить.

– Но его сын... – начал Нед.

– Его сын унаследует Орлиное Гнездо со всеми доходами, – отвечал Роберт отрывисто, – и не более.

Ответ застал Неда врасплох. Он удивился, вздрогнул и начал поворачиваться к своему королю. Слова вылетели сами собой:

– Аррены всегда были Хранителями Востока, титул этот передается вместе с владением.

– Когда Роберт повзрослеет, честь эту можно будет возвратить его роду, – сказал король. – Я могу подумать об этом и сейчас, и в следующем году. Однако шестилетний мальчишка не способен возглавить войско.

– В мирные времена титул этот является просто почетным. Пусть мальчик унаследует его хотя бы в честь отца, если не ради него самого. Ты ведь в долгу перед Джоном за его службу.

Король был недоволен ответом. Он снял руку с плеча Неда.

– Джон был обязан служить своему сюзерену. Не считай меня неблагодарным, Нед. Тебе лучше всех известно, что это не так. Но сын – это далеко не отец, мальчику не удержать Восток. – Тут голос его смягчился. – Ну, довольно об этом. У меня есть и более важное дело, и я не стану спорить с тобой. – Роберт взял Неда за локоть. – Ты мне нужен.

– Я всегда к твоим услугам, светлейший. Всегда. – Нед чувствовал, что должен был сказать эти слова, и он произносил их, еще не зная, что услышит сейчас.

Роберт как будто бы не слышал его.

– Эти годы, которые мы провели в Орлином Гнезде... боги, это были добрые годы. Я хочу, чтобы ты вновь находился возле меня, Нед. Ты мне нужен в Королевской Гавани, а не здесь, на краю мира, где ты ничего не можешь сделать. – Роберт поглядел во тьму, на мгновение сделавшись столь же меланхоличным, как и Старк. – Клянусь тебе, усидеть на троне в тысячу раз труднее, чем завоевать его. Законы – скучное дело, считать медяки еще хуже, но, кроме того, есть еще люди... и им нет конца. Я сижу на этом проклятом кресле, выслушиваю жалобы, пока ум мой не онемеет, а задница не разболится. Всем что-то нужно: деньги, земля или правосудие. Ну а враки, которые они рассказывают... Впрочем, мои лорды и леди ничем не лучше. Меня окружают льстецы и дураки. Нед, это может довести человека до безумия. Одна половина из них не смеет открыть мне истину, другая половина не способна найти ее. Бывают такие ночи, когда я жалею о том, что мы победили возле Трезубца. Ну не совсем, конечно, но...

– Понимаю, – негромко проговорил Нед.

Роберт поглядел на него.

– Может быть, и в самом деле понимаешь. Но если так, то лишь ты один, мой старый

друг. – Он улыбнулся. – Лорд Эддард Старк, я собираюсь назвать тебя десницей короля.

Нед опустился на одно колено. Предложение не удивило его: по какой еще причине мог Роберт заехать в такую даль? Сан десницы в Семи Королевствах предоставлял вторую власть после самого короля. Он позволял говорить от лица короля, командовать королевским войском, добиваться исполнения королевских законов. Десница мог даже сесть на Железный трон, чтобы совершить правосудие, если король был болен, отсутствовал или же не хотел заниматься делами. Роберт предлагал ему ответственность величиной во все королевство.

Самая непривлекательная перспектива.

– Светлейший государь, – отвечал он, – я не достоин этой чести.

Роберт застонал с добродушным нетерпением.

– Если бы я хотел оказать тебе честь, то отправил бы тебя в отставку. А я хочу, чтобы ты правил королевствами, воевал, позволив обжорству, пьянкам и распутству загнать меня в раннюю могилу. – Похлопав по своему чреву, король ухмыльнулся. – А знаешь, как говорят о короле и его деснице?

Пословицу Нед знал.

– Пока король спит, – отозвался он, – рука строит.

– Рыбачка, с которой я спал однажды, рассказала мне, как выражает эту мысль простонародье. Король ест, сказала она, а десница подтирает задницу. – Закинув назад голову, Роберт громогласно расхохотался. Эхо со звоном пронзило тьму, окружающие их покойники Винтерфелла, казалось, обратили к ним холодные неодобрительные взгляды. Наконец смех иссяк.

Нед все еще оставался на одном колене, подняв глаза к королю.

– Проклятие, Нед, – пожаловался король. – Мог хотя бы порадовать меня улыбкой.

– Говорят, что здесь зимой бывает так холодно, что смех застывает в горле и душит человека насмерть, – невозмутимым голосом отвечал Нед. – Быть может, поэтому Старки не отличаются весельем.

– Отправляйся на юг вместе со мной, и я научу тебя смеяться, – пообещал король. – Ты помог мне завоевать этот проклятый трон, теперь помоги удержать. Мы должны были править вместе. Если бы Лианна не умерла, мы стали бы братьями, связанными любовью и кровью. Но и теперь еще не поздно. У меня есть сын. У тебя дочь. Мой Джофф и твоя Санса соединят наши дома, как хотели сделать это мы с Лианной.

А вот это предложение и в самом деле удивило Неда.

– Но ведь Сансе всего лишь одиннадцать.

Роберт нетерпеливо махнул рукой.

– Достаточно, чтобы просватать их. Ну а с браком можно подождать несколько лет. – Король улыбнулся. – А теперь вставай, проклятый, и говори – да.

– Ничто не доставит мне большего удовольствия, светлейший, – отвечал Нед, помедлив. – Но все эти почести настолько неожиданны... Можно ли мне подумать какое-то время? Мне надо рассказать жене...

– Да-да, конечно, разумеется. Расскажи Кейтилин. Выспись, если тебе нужно. – Король схватил Неда за руку и потянул с колен. – Только не заставляй меня ждать слишком долго. Я не самый терпеливый среди людей.

На миг Эддарда Старка переполнило жуткое предчувствие. Здесь было его место, здесь, на Севере. Он поглядел на каменные фигуры, окружавшие его, глубоко вздохнул. В холодном безмолвии крипты он чувствовал на себе взгляды мертвцев. Они все понимали, он знал это. И зима приближалась.

Джон

Не слишком часто, но случалось, что Джон Сноу радовался тому, что родилсяbastardом. Вновь наполняя свой кубок из шедшей по кругу ендовы, он подумал, что такое мгновение наступило.

Джон занял свое место на скамье между молодыми сквайрами и выпил. Сладкое летнее вино наполнило его рот вкусом плодов и вернуло улыбку на губы.

Под сводами просторного чертога Винтерфелла плавала дымка, пахло жареным мясом и свежевыпеченным хлебом. Серые каменные стены были увешаны знаменами: белыми, золотыми, алыми. Лютоволк Старков соседствовал с коронованным оленем Баратеонов и львом Ланнистеров. Аккомпанируя себе на звонкой арфе, певец выпевал слова баллады, но в этом конце зала его голос был едва слышен за ревом огня, стуком оловянных тарелок и чаш, громким говором сотен подвыпивших глоток.

Шел четвертый час приветственного пира в честь короля. Братья и сестры Джона сидели возле королевских детей рядом с помостом, на котором лорд и леди Старк принимали короля и королеву. Ради подобной оказии лорд-отец, безусловно, разрешит каждому своему отпрыску выпить по бокалу вина, но не более. Здесь же, на скамье, никто не мог помешать Джону выпить столько, сколько требовала его жажда.

Джон обнаружил умение пить по-мужски, чем пробудил завистливое восхищение юнцов, поощрявших его всякий раз, когда он опустошал очередной кубок. Общество собралось приятное, и Джон наслаждался их рассказами о битвах, любви и охоте. Он не сомневался в том, что в этой компании было веселее, чем с королевскими отпрысками. Джон уже удовлетворил свое любопытство в отношении гостей, когда они выходили в зал. Процессия двигалась в каком-то фурте от места, определенного ему на скамье, и Джон успел досыта наглядеться.

Его лорд-отец шествовал первым, сопровождая королеву. Мужчины называли ее красавицей. Украшенная драгоценными камнями диадема сверкала на длинных золотых волосах, рубины подчеркивали зелень глаз. Отец помог ей подняться на ступени, подвел к сиденью, но королева даже не поглядела на него. В свои четырнадцать лет Джон уже смог разобраться в том, что прячет ее улыбка.

Следующим шел король Роберт собственной персоной, об руку с леди Старк. Король весьма разочаровал Джона. Отец часто рассказывал о безупречном Роберте Баратеоне, демоне Трезубца, свирепейшем воине края, гиганте среди князей. Джон же увидел лишь толстяка, краснолицего, заросшего бородой, взмокшего под всеми шелками. Двигался он весьма неуклюже.

За ним шли дети. Первым – маленький Рикон, с тем достоинством, которое только может изобразить трехлетка. Джону пришлось поторопить его, когда братец остановился рядом. Позади малыша шел Робб в сером шерстяном облачении с белыми полосами по краю. Это были цвета Старков. Он провожал принцессу Мирцеллу, воздушное создание, еще не достигшее восьми лет. Золотые кудри ее весьма эффектно ниспадали из-под украшенной камнями сетчатой шапочки. Джон заметил, как застенчиво она поглядывает на Робба, проходя между столов, как смущенно улыбается брату. И решил, что она чересчур проста. А Робб даже не замечал, насколько она глупа. Он все время ухмылялся, как сельский дурень.

Сводные сестры Джона сопровождали кронпринцев. Арья выступала возле пухлого юного Томмена, светлые волосы принца оказались длиннее, чем у нее. Санса, что была старше сестры на два года, шла возле кронпринца Джоффри Баратеона. Двенадцатилетний, он был младше Джона или Робба, но, к огромному разочарованию Джона, оба брата уступали в росте принцу. У Джоффри были такие же волосы, как и у сестры, и зеленые глаза матери. Густые светлые кудри ниспадали на золотой бант, закрывая стоячий бархатный воротник. Санса светилась, шествуя возле него, однако Джону не понравились надменные губы Джоффри и тот скучный разочарованный взгляд, которым он рассматривал великий чертог Винтерфелла.

Но более его интересовала пара, шествовавшая следом: братья королевы, Ланнистеры с Бобрового утеса. Лев и Бес, перепутать их было невозможно. Сир Джейме Ланнистер, близнец королевы Серсеи, высокий, золотой, с искрящимися зелеными глазами и улыбкой, резавшей, словно нож. Облаченный в алые шелка, черные высокие сапоги и черный атласный плащ. С груди его туники разевал пасть вышитый золотой нитью герб его дома.

Джейме называли в лицо Львом Ланнистера, а за спиной шептали – Цареубийца.

Джон с трудом отвернулся от него. Вот таким и должен быть король, подумал он, провожая идущего красавца взглядом.

Потом он углядел второго брата, почти незаметного в тени. Тирион Ланнистер, самый младший из отпрысков лорда Тайвина и, бесспорно, самый уродливый. Тириону не досталось ничего из того, что боги уделили Серсе и Джейме. Карлик, едва ли не по пояс своему брату, он с трудом поспевал за ним на коротких ногах. Голова его была слишком велика для тела, под выпуклым лбом открывалось расплывшееся лицо уродца. Из-под прямых волос, светлых настолько, что они казались белыми, глядел зеленый глаз, рядом с ним поблескивал черный. Джон завороженно посмотрел на Беса.

Замыкая череду высоких лордов, вошли его дядя Бенджен Старк из Ночного Дозора и воспитанник отца, молодой Теон Грейджой. Проходя мимо, Бенджен одарил Джона теплой улыбкой. Теон же как бы не заметил его, но в этом не было ничего необыкновенного. Наконец все уселись, провозгласили тосты, ответили благодарностями и снова поблагодарили, и пир начался.

Тогда Джон начал пить и с тех пор не останавливался.

Что-то потерлось о его ногу под столом. Джон заметил обращенные к нему красные глаза.

– Опять проголодался? – спросил он. На середине стола еще оставалась половинка цыпленка под медом, Джон потянулся, чтобы оторвать ножку, но придумал кое-что получше. И целиком подцепив птицу, между своих ног спустил тушку на пол. В дикарском молчании Призрак вцепился в мясо. Братьям и сестрам не разрешили взять своих волков на банкет, но псов набежало больше, чем Джон мог сосчитать. В дальней стороне зала никто не сказал ни одного укоризненного слова о его щенке. Джон попытался уверить себя в том, что ему снова повезло. Глаза его щипало. Джон яростно потер их, ругая дым. Выпив еще глоток вина, он посмотрел, как его лютоволк расправляетя с цыпленком.

Следуя за служанками, между столами сновали псы. Одна из собак, черная дворовая сучонка с продолговатыми желтыми глазами, унюхала запах цыпленка. Она остановилась и полезла под скамью, чтобы получить свою долю. Джона это заинтересовало. Сука негромко заворчала и подвинулась ближе. Призрак безмолвно посмотрел на собаку красными глазами. Сука гневно зарычала. Она была в два раза больше волчонка, но тот не шевельнулся. Стоя над своей добычей, он ощерился, обнажил клыки. Сука напряглась, вызывающе тявкнула, потом передумала, повернулась и исчезла между столов, еще раз тявкнув на прощание, чтобы сохранить достоинство. Призрак принял за еду.

Джон ухмыльнулся, потянулся под стол, чтобы погладить косматый белый мех. Лютоволк поглядел на него, по-приятельски цапнул за руку и возвратился к еде.

– И это один из лютоволков, о которых я так много слыхал? – проговорил рядом знакомый голос.

Джон радостно поглядел на своего дядю Бена, положившего руку на его голову и взъерошившего волосы, как только что Джон ерошил шерсть волка.

– Да, – отвечал он. – Зовут его Призрак.

Один из сквайров прервал свою непристойную историю, чтобы расчистить место у стола для брата их лорда. Бенджен Старк перешагнул через скамью длинными ногами и взял чашу с вином из руки Джона.

– Летнее вино, – сказал он, попробовав. – Какое сладкое. И сколько же чаш тебе уже досталось, Джон?

Тот только улыбнулся.

Бен Старк расхохотался.

– Этого я и опасался. Помнится, я был младше тебя, когда впервые искренне и честно напился. – Он подхватил с ближайшего блюда зажаренную луковицу, источавшую бурый сок, и с хрустом впился в нее зубами.

Лицо дяди напоминало острый горный утес, но в серо-голубых глазах всегда

проглядывал смех. Бенджен Старк был одет в черное, как и подобает тому, кто служит в Ночном Дозоре. Сегодня он предпочел богатый черный бархат, высокие кожаные сапоги и широкий пояс с серебряной пряжкой. Тяжелая серебряная цепь лежала на его шее. Доедая луковицу, Бенджен с удивлением посмотрел на Призрака.

— Очень спокойный волк, — заметил он.

— Этот не такой, как остальные, — сказал Джон. — Он всегда молчит, поэтому я и назвал его Призраком. Но еще и потому, что он белый. Все остальные темные: серые или черные.

— Ну, за Стеной лютоволков еще хватает. Мы слышим их вой во время вылазок. — Бенджен пристально поглядел на Джона. — Разве ты обычно ешь не вместе со своими братьями?

— Обычно да, — отвечал Джон ровным голосом, — но сегодня леди Старк решила, что королевская семья посчитает оскорблением общество бастарда.

— Понимаю. — Взгляд дяди обратился за спину Джона к возвышению в конце зала. — Что-то на лице моего брата сегодня не видно праздничного настроения.

Джон тоже разглядел это. Бастарду приходится все замечать, учиться читать истину, которую люди прячут за своими глазами. Отец держался учтиво, однако в нем чувствовалась напряженность, которой обычно не было. Лорд Старк ел немного и оглядывал зал полуприкрытыми глазами, словно ничего не видя. Король же, сидевший через два места от него, пил и ел вовсю. Широкое лицо его побагровело под черной бородой. Король уже провозгласил достаточное количество тостов, громко смеялся всем шуткам и атаковал каждое блюдо, словно изголодавшийся. Но королева казалась рядом с ним холодной, как ледяная статуэтка.

— Королева тоже сердита, — негромко проговорил Джон своему дяде. — Отец вчера вечером водил короля вниз. Королева не хотела этого.

Бенджен посмотрел на Джона долгим взвешивающим взглядом.

— Итак, Джон, ты многое замечаешь? Такому человеку найдется место на Стене.

Джон раздулся от гордости.

— Робб лучше владеет копьем, но я лучше фехтую, а Халлен говорит, что лучше меня в нашем замке никто не сидит на коне.

— Заметные достижения.

— Возьми меня с собой, когда будешь возвращаться на Стену, — вдруг выпалил Джон. — Отец разрешит мне, если ты попросишь, я знаю это.

Дядя Бен внимательно оглядел его лицо.

— Мальчикам на Стене не место, Джон.

— Но я почти уже вырос, — запротестовал Джон. — В следующие именины мне исполнится пятнадцать, а мастер Лювин говорит, что бастарды растут быстрее, чем обычные дети.

— Наверное, — чуть скривился Бенджен. Он взял со стола чашу Джона, наполнил ее из ближайшего кувшина и выпил единым долгим глотком.

— Дейерену Таргариену было только четырнадцать, когда он покорил Дорн, — напомнил Джон. Юный Дракон был одним из его героев.

— На покорение ушло целое лето, — напомнил ему дядя. — Твой мальчишка-король потерял десять тысяч людей, чтобы захватить королевство, и еще пятьдесят тысяч, пытаясь удержать его. Кто-то должен был объяснить ему, что война — это не игра. — Он выпил еще вина. — Кстати, — проговорил он, вытирая рот, — Дейерену Таргариену было всего лишь восемнадцать, когда он погиб. Или ты забыл об этом?

— Я ничего не забываю, — похвастал Джон. Вино наделило его отвагой. Он попытался выпрямиться на скамье, чтобы показаться выше. — Я хочу служить в Ночном Дозоре, дядя.

Он давно и упорно думал об этом по ночам, когда братья уже засыпали. Когда-нибудь Робб унаследует Винтерфелл и как Хранитель Севера возглавит великое войско. Бран и Рикон будут знаменосцами Робба, им суждено править крепостями от лица брата. Сестры Ария и Санса выйдут замуж за наследников других великих домов и отправятся на юг

хозяйничать в собственных замках. Но какое место может достаться бастарду?

— Ты не знаешь, чего просишь, Джон. Ночной Дозор — это братство, которому присягают. У нас нет семей. Никто из нас не может родить сына. Долг — вот наша жена. А любовница — честь.

— Честь есть и у бастарда, — проговорил Джон. — Я уже готов принести вашу клятву.

— Ты мальчик, тебе еще четырнадцать, — проговорил Бенджен. — Ты еще не мужчина. Пока ты не познаешь женщину, не поймешь, от чего отказываешься.

— Я не хочу даже думать об этом! — с пылом проговорил Джон.

— Захочешь, когда узнаешь, что это такое, — сказал Бенджен. — Если бы ты знал, чего стоит плата, то, возможно, не стал бы торопиться с клятвой, сынок.

Джон ощутил, как в нем вспыхнул гнев.

— Я тебе не сынок!

Бенджен Старк поднялся.

— Вот это и жалко. — Он положил ладонь на плечо Джона. — Обратишься ко мне, когда заведешь собственных бастардов, посмотрим, как ты тогда запоешь.

Джон задрожал.

— Я никогда не буду отцом бастарда. Никогда! — подчеркнул он, словно выплеснул яд.

И вдруг понял, что все за столом умолкли и глядят на него. Джон почувствовал, как слезы начинают наполнять глаза. Он поднялся на ноги.

— Прости, — сказал он, собрав остатки достоинства, и, резко повернувшись, бросился прочь, чтобы вокруг не заметили его слез. Наверное, он выпил больше вина, чем полагал: ноги подвели Джона, он столкнулся со служанкой, опрокинул кувшин вина на пол. Вокруг загремел смех, и Джон ощущал на щеках жаркие слезы. Кто-то попытался поддержать его. Он вырвался из услужливых рук и, полуслепой, бросился к двери.

Призрак последовал за ним в ночь.

Во дворе было тихо и пусто. Одинокий часовой застыл высоко на внутренней стене, плотно кутаясь в плащ, закрывавший его от ветра. Скучный и несчастный, он горбился там в одиночестве, но Джон охотно поменялся бы с ним местами. Но в остальном замок казался темным и брошенным. Джону уже приходилось видеть заброшенную крепость, скучные стены, среди которых шевелился лишь ветер. Камни молчали о людях, которые жили там. Ныне Винтерфелл напоминал ту твердыню. Звуки музыки и песни сквозь открытые окна тянулись за ним. Но Джону не хотелось веселья. Он стер слезы рукавом рубашки, жалея о том, что пролил их, и собрался уйти.

— Мальчик, — позвал его голос. Джон обернулся. Тирион Ланнистер сидел на карнизе над дверью великого чертога, напоминая горгулью. Карлик ухмыльнулся. — Это животное называется волком?

— Лютоволком, — отвечал Джон. — Его зовут Призрак. — Он поглядел на невысокого человека, разом забыв свое разочарование. — А что ты делаешь наверху? Почему ты не присутствуешь на пиру?

— Там слишком жарко, слишком шумно, и я уже выпил слишком много вина, — поведал карлик. — Я уже давно понял, что блевать на собственного брата неучтиво. Скажи, а можно посмотреть поближе на твоего волка?

Поколебавшись, Джон кивнул:

— Ты сумеешь спуститься или мне принести лестницу?

— О, к чертям лестницы, — отвечал человечек, отрываясь от карниза. Джон охнул, а потом с уважением проследил, как Тирион Ланнистер свернулся в тугой комок, легко приземлился на руки, потом сделал сальто и встал на ноги. Призрак в нерешительности отскочил в сторону.

Отряхнувшись, карлик рассмеялся:

— По-моему, я испугал твоего волчонка. Прошу прощения.

— Он не испуган, — отвечал Джон и, согнувшись, позвал: — Призрак, иди сюда. Иди сюда. Вот так.

Волчонок подошел ближе, ткнулся носом в лицо Джона, приглядывая осторожным глазом за Тирионом Ланнистером, но когда карлик протянул руку, чтобы погладить его, отодвинулся и с безмолвной угрозой обнажил клыки.

– Боится, правда? – заметил Ланнистер.

– Сидеть, Призрак! – скомандовал Джон. – Вот так. Сиди смирно. – Он поглядел на карлика. – Теперь ты можешь прикоснуться к волку, он не пошевелится, пока я не прикажу ему. Я учу его.

– Понимаю, – проговорил Ланнистер. Погладив белую шерсть между ушами Призрака, он сказал: – Хороший волк.

– Если бы меня не было рядом, он разорвал бы тебе глотку, – сказал Джон. Пока дело обстояло не совсем так, но все еще впереди...

– В таком случае лучше держись поближе, – проговорил карлик. Он нагнулся свою слишком крупную голову набок и поглядел на Джона разными глазами. – Я – Тирион Ланнистер.

– Я знаю это, – проговорил Джон распрямляясь. Ростом он был выше карлика... странное ощущение.

– А ты –bastard Неда Старка, так?

Джон ощутил, как холод пробежал по нему. Стиснув зубы, он ничего не ответил.

– Я обидел тебя? – спросил Ланнистер. – Прости, карликам не обязательно соблюдать тант. Поколения шутов и дураков дают мне право скверно одеваться и высказывать все, что приходит в голову. – Он ухмыльнулся. – Но ты и естьbastard.

– Лорд Эддард Старк – мой отец, – жестко признался Джон.

Ланнистер поглядел ему в лицо.

– Да, – сказал он, – это видно. В тебе больше севера, чем в твоих братьях.

– Сводных братьях, – поправил Джон. Слова карлика были приятны ему, но он попытался не показать этого.

– Позволь мне дать тебе кое-какой совет,bastard, – сказал Ланнистер. – Никогда не забывай, кто ты такой, ведь мир, конечно, этого не забудет. Сделай происхождение своей силой. Не допускай, чтобы оно превратилось в слабость. Облачись в это, словно в броню, и тогда никто не сможет ранить тебя.

Джону было не до советов.

– Ну что ты знаешь о том, как чувствуют себя bastards?

– Любой карлик –bastard в глазах собственного отца.

– Но ты законный сын своей матери, истинный Ланнистер.

– Неужели? – с иронией отвечал карлик. – Скажи это моему лорду-отцу. Моя мать умерла, рожая меня, и он никогда не испытывал уверенности в этом.

– А я даже не знаю своей матери, – проговорил Джон.

– Вне сомнения, она была женщиной. Как и все они. – Он одарил Джона скорбной улыбкой. – Запомни это, мальчик. Всякого карлика можно считать bastardом, но bastardу не обязательно быть карликом! – Тут он повернулся и направился в замок на пир, насвистывая расхожую мелодию. Когда Тирион открыл дверь, свет бросил длинную тень на двор, и какое-то мгновение Бес Ланнистер казался высоким, словно король.

Кейтилин

Палаты Кейтилин были жарче всех помещений великого замка Винтерфелл. Ей редко приходилось зажигать здесь очаг. Замок был возведен на естественных горячих источниках, и обжигающая вода бежала внутри стен его покоев, словно кровь в человеческом теле, прогоняя холод из каменных залов, наполняя стеклянные сады влажным теплом, храня землю от замерзания. В дюжине небольших двориков день и ночь курились открытые пруды. Для лета – немного, для зимы же – грань между жизнью и смертью.

Ванна Кейтилин всегда парила, и ладонь ее прикасалась к теплой стене; тепло

напоминало ей о Риверране, о днях, проведенных под солнцем с Лизой и Эдмаром. Но Нед не переносил жары. Старки созданы для холода, говорил он ей; на это она обычно со смехом отвечала, что в таком случае они, безусловно, построили свой замок не на том месте.

Нед поцеловал жену и выбрался из постели, как делал уже тысячу раз. Он пересек комнату, отодвинул тяжелые занавеси и по одному открыл высокие узкие окна, впуская в палату ночной воздух. Ветер кружил вокруг него, обратившегося лицом во тьму, — обнаженного и с пустыми руками. Натянув меха до подбородка, Кейтилин следила за ним. Нед казался ей почему-то каким-то ранимым и невысоким — похожим на того юношу, с которым она обвенчалась в септе Риверрана пятнадцать долгих лет назад. Тело ее все еще ныло после его ретивой любви. Добрая боль. Она ощущала в себе его семя. И помолилась, чтобы оно прижилось. Прошло уже три года после рождения Рикона, а она еще не слишком стара и может родить мужу еще одного сына.

— Я откажу ему, — проговорил Нед, поворачиваясь. В глазах его была тоска, в голосе сомнение.

Кейтилин села на постели.

— Ты не можешь этого сделать и не должен.

— Мои обязанности здесь, на Севере. Я не хочу быть десницей Роберта.

— Он этого не поймет. Теперь он король, а короли не похожи на простых людей. Если ты откажешься служить ему, он станет интересоваться причинами и рано или поздно решит, что ты втайне замышляешь какой-нибудь заговор. Неужели ты не видишь опасности, в которой мы тогда окажемся?

Не желая верить, Нед покачал головой:

— Роберт никогда не станет вредить мне или моей семье. Мы с ним ближе чем братья. Он любит меня. Если я откажу ему, он будет реветь, ругаться, но через неделю мы вместе посмеемся над ссорой. Я знаю этого человека!

— Ты знал человека, — проговорила она. — А король тебе не знаком. — Кейтилин вспомнила мертвую лютоволчицу в снегу, сломанный рог, глубоко застрявший в ее горле. Следует доказать мужу свою правоту. — Гордость — главное для короля, милорд. Роберт проделал весь этот долгий путь, чтобы оказать тебе великую честь, и ты не можешь отказать ему.

— Честь? — с горечью рассмеялся Нед.

— В его глазах — да, — отвечала она.

— А в твоих?

— И в моих! — вспылила она. И как это он не понимает? — Король предлагает женить своего сына на нашей дочери, как иначе назвать это предложение? Когда-нибудь Санса сможет стать королевой. И ее сыновья будут править от Стены и до Дорнских гор. Что здесь плохого?

— Боже, Кейтилин, Сансе всего лишь одиннадцать, — проговорил Нед. — Джоффри... Джоффри просто...

Она договорила за него:

— ...кронпринц и наследник престола. А мне было всего двенадцать, когда отец обещал меня твоему брату Брандону.

Рот Неда с горечью изогнулся.

— Брандон. Да. Брандон знал, как поступить. Он всегда знал, что делать. Все это было предназначено для Брандона. И ты, и Винтерфелл, и все на свете. Он-то и был рожден, чтобы стать десницей короля и отцом королевы. Я никогда не просил, чтобы эта чаша досталась мне.

— Возможно, — проговорила Кейтилин, — но Брандон мертв, и чаша в твоих руках. Ты должен испить ее, хочешь этого или нет.

Нед отвернулся от нее и уставился в окно. Он поглядел во тьму, на луну и на звезды, даже на часовых на стене. Кейтилин успокоилась, она понимала его боль. Как требовал обычай, Эдвард Старк женился на ней вместо брата. Но тень мертвого брата по-прежнему

разделяла их, как и другая тень, — женщины, имени которой она не знала, женщины, которая родила ему незаконнорожденного сына.

Кейтилин уже собиралась направиться к мужу, когда в дверь постучали, громко и неожиданно. Нед повернулся и нахмурился.

— Что там еще?

За дверью послышался голос Десмонда:

— Милорд, здесь майстер Лювин, он просит срочной аудиенции.

— Ты сказал ему, что я велел не тревожить меня?

— Да, милорд. Он настаивает.

— Хорошо. Пусть войдет.

Нед направился к гардеробу и надел тяжелый халат. Кейтилин вдруг поняла, насколько холодно стало вокруг. Она села в постели и натянула меха до подбородка.

— Не закрыть ли окна? — предложила она.

Нед рассеянно кивнул. В дверях показался майстер Лювин.

Невысокий майстер воплощал собой геральдический цвет Старков — серый: глаза его были серыми и быстрыми и многое замечали, тот остаток волос, который оставили ему годы, сделался серым от седины. И конечно же, отороченное белым мехом одеяние его было сшито из серой шерсти. В огромных просторных рукавах были устроены карманы. Лювин всегда все заталкивал в эти рукава, а извлекал из них что-нибудь другое: послания, странные вещи, игрушки для детей. Зная об этих запасах, Кейтилин всегда удивлялась, как майстер вообще мог поднимать руки.

Лювин дождался, пока дверь закрылась за ним, и только тогда заговорил:

— Милорд, прошу прощения за то, что потревожил вас, но мне передали послание.

Нед отвечал не без раздражения:

— Передали послание? Кто? Разве приехал гонец? Мне ничего не сказали.

— Гонца не было, милорд, но пока я спал, на столе в моей обсерватории кто-то оставил резную деревянную шкатулку. Мои слуги никого не заметили, но вещицу, должно быть, принес кто-то из королевской дружины. У нас нет никаких других гостей с юга.

— Деревянная шкатулка, ты говоришь? — переспросила Кейтилин.

— Внутри оказалось несколько новых линз для обсерватории, сделанных, судя по всему, в Мире. Тамошние оптики не имеют себе равных.

Нед нахмурился. Кейтилин знала, что на подобные вещи у него не хватало терпения.

— Линзы, — проговорил он. — Какое отношение они имеют ко мне?

— Я задал себе тот же вопрос, — проговорил майстер Лювин. — И решил, что в этом ларце скрыто нечто большее.

Кейтилин поежилась под тяжестью мехов.

— Линза — это предмет, помогающий нам видеть.

— Воистину это так. — Майстер теребил пальцами наплечье, подобающее его ордену.

Тяжелую цепь он носил под одеждой на шее, каждое колечко ее было выковано из другого металла.

Кейтилин вновь ощутила, как ужас зашевелился внутри ее.

— Так что же мы должны видеть более ясно?

— Об этом я спросил себя самого. — Майстер Лювин извлек из рукава туго скатанную бумажку. — Истинное послание обнаружилось под дном, когда я разобрал шкатулку, в которой прибыли линзы, но оно предназначено не для моих глаз.

Нед протянул руку:

— Тогда дай письмо мне.

Лювин не пошевелился.

— Прошу прощения, милорд. Письмо направлено не мне и не вам. Оно адресовано леди Кейтилин, и только ей одной. Можно ли мне приблизиться?

Кейтилин кивнула, не заставив себя заговорить. Майстер положил бумажку на стол возле постели. Она была запечатана небольшой нашлепкой из синего воска. Лювин

поклонился и начал отступать.

— Останься, — приказал Нед суровым голосом. Он поглядел на Кейтилин. — Что это такое? Миледи, ты дрожишь.

— Я боюсь, — призналась Кейтилин. Протянув руку, она нашупала письмо. Меха упали, но женщина и не вспомнила о своей наготе. На синем воске была оттиснута печать дома Арренов — луна и сокол.

— Это от Лизы. — Кейтилин поглядела на мужа. — Письмо не принесет нам радости. Я чувствую в нем горе, Нед. Я ощущаю это.

Нед нахмурился, лицо его потемнело.

— Распечатывай.

Кейтилин сломала печать.

Глаза ее пробежали несколько строк. Буквы не складывались в осмыслиенные слова. А потом она вспомнила:

— Лиза не рисковала. Девочками мы придумали свой собственный язык.

— А ты можешь прочитать?

— Да, — согласилась Кейтилин.

— Тогда говори.

— Быть может, мне лучше уйти? — сказал мейстер Лювин.

— Нет, — отвечала Кейтилин. — Нам потребуется твой совет. — Откинув меха, она выбралась из постели. Ночной воздух холодным могильным прикосновением натянул ее кожу, пока она перебежала по комнате. Мейстер Лювин отвернулся. Даже Неда покоробило.

— Что ты делаешь? — возмутился он.

— Зажигаю огонь, — ответила ему Кейтилин. Она отыскала халат и, надев его, склонилась над холодным очагом.

— Но здесь мейстер Лювин... — начал Нед.

— Мейстер Лювин принимал все мои роды, — сказала Кейтилин. — Сейчас не время для ложной скромности. — Она положила бумажку в очаг и придавила сверху поленьями. Нед подошел к ней и поднял на ноги. Лицо его оказалось буквально в дюйме от ее лица.

— Миледи, скажи мне, что здесь написано?

Кейтилин напряглась.

— Предупреждение, — негромко ответила она, — для тех, у кого хватает ума прислушаться.

Глаза Неда обратились к ее лицу.

— Продолжай.

— Лиза сообщает, что Джона Аррена убили.

Пальцы мужа напряглись на ее руке.

— Кто?

— Ланнистеры, — сказала Кейтилин. — Королева.

Нед выпустил ее руку. На коже остались темные отметины.

— Боги, — пробормотал он хриплым голосом, — твоя сестра обезумела от горя. Она не знает, что говорит.

— Она знает, — проговорила Кейтилин. — Лиза порывиста, но это послание было тщательно спланировано и умно спрятано. Она знала, что бумажка эта грозит ей смертью, если письмо попадет не в те руки. Чтобы так рисковать, она должна располагать более чем подозрениями. Теперь у нас действительно нет выхода. Ты должен стать десницей Роберта. Тебе придется отправиться на юг и узнать истину.

Кейтилин поглядела на мужа и сразу же поняла, что Нед пришел к противоположному выводу.

— Единственная известная мне правда находится здесь. А Юг — это гадючье гнездо, от которого лучше держаться подальше.

Лювин поправил цепь, прищемившую кожу на горле, и поклонился:

— Десница короля обладает великой властью, милорд. Лорд-десница способен узнать

правду о смерти лорда Аррена и предать убийцу королевскому правосудию, способен защитить леди Аррен и ее сына, если верным окажется худшее.

Нед беспомощно оглядел опочивальню. Сердце Кейтилин рвалось к нему, но она понимала, что рано еще обнимать мужа. Сперва нужно добиться победы – ради ее детей.

– Ты говоришь, что любишь Роберта как брата. Неужели ты можешь оставить своего брата в окружении Ланнистеров?

– Чтобы Иные побрали вас обоих, – мрачно буркнул Нед. Он отвернулся от них и подошел к окну. Кейтилин выжидала, молчал и майстер. А Эддард Старк молча прощался с любимым домом. Он отвернулся от окна, лицо разом сделалось усталым и угрюмым, в уголках глаз поблескивала влага. – Отец мой однажды отправился на юг, отвечая на призыв короля. Но так и не вернулся домой.

– Другие времена, – ответил майстер Лювин, – другой король.

– Да, – мрачно отозвался Нед, опускаясь в кресло возле очага. – Кейтилин, тебе придется остаться в Винтерфелле.

Слова эти холодным ветром пронзили ее сердце.

– Нет, – сказала Кейтилин с внезапным испугом. Неужели таким будет ее наказание? Никогда не увидеть его лица, не ощутить прикосновения к телу его рук.

– Да, – отвечал Нед голосом, не допускающим возражений. – Ты будешь править Севером вместо меня, пока я исполняю поручения Роберта. В Винтерфелле всегда должен сидеть Старк. Роббу только четырнадцать. Скоро он вырастет, а меня не окажется рядом. Пусть он участвует в твоих советах. Робб должен быть хорошо подготовлен к правлению, когда придет его время.

– Да будет воля богов, чтобы это случилось не слишком скоро, – проговорил майстер Лювин.

– Майстер Лювин, я доверяю вам как родичу. Помогайте моей жене советом во всех делах, великих и малых. Научите моего сына тому, что он должен знать. Зима близко.

Майстер Лювин серьезно кивнул. Потом наступило молчание, наконец Кейтилин, набравшись отваги, задала вопрос, которого боялась более всего:

– А что будет с остальными детьми?

Нед поднялся и обнял ее, коснувшись щекой щеки.

– Рикон очень мал, – ответил он мягко, – и он останется здесь вместе с тобой и Роббом. Остальных я возьму с собой.

– Я не перенесу разлуки, – сказала Кейтилин дрожа.

– Придется перенести, – отвечал он. – Санса должна выйти за Джоффри. Теперь это ясно; мы не можем предоставить королю повод для сомнений в нашей преданности. К тому же пора и Арье познакомиться с обычаями южного двора, через несколько лет она тоже войдет в брачный возраст.

Санса будет блестать на Юге, подумала про себя Кейтилин, и видят боги, что Арья нуждается в воспитании. Неохотно она отпустила их в своем сердце. Но не Брана. Только не Брана.

– Да, – сказала она, – но пожалуйста, ради нашей любви, пусть Бран останется в Винтерфелле, ему только семь.

– Мне было семь, когда мой отец послал меня приемышем в Орлиное Гнездо, – сказал Нед. – Сир Родрик говорит, что Робб и принц Джоффри не ладят. Это плохо. Бран может помочь сгладить сложности... Он обаятельный мальчишка, смешливый, легко влюбляющийся. Пусть вырастет вместе с молодыми принцами, подружится с ними, как я с Робертом. Это выгодно нашему дому.

Нед прав, Кейтилин это знала. Но боль от этого не становилась меньше. Она потеряет сразу четверых: Неда, обеих дочерей и милого, любящего Брана; только Робб и маленький Рикон останутся с ней. Ей вдруг сделалось одиноко в таком огромном замке.

– Тогда держи его подальше от стен, – отважно промолвила она. – Знаешь, как Бран любит лазать.

Нед поцелуями снял слезы с ее глаз, прежде чем они успели упасть.

– Спасибо тебе, миледи, – отвечал он. – Я знаю, что тебе тяжело решиться на это.

– А как насчет Джона Сноу, милорд? – спросил мейстер Лювин.

Кейтилин напряглась, услыхав это имя. Нед ощутил в ней гнев и отодвинулся.

Бастарды рождались у многих. Кейтилин уже успела привыкнуть к этому. В первые годы их брака она без удивления узнала, что у Неда есть сын от какой-то девушки, случайно встреченной в военном походе. В конце концов он – мужчина, а они проводили тот год в разлуке. Нед воевал на юге, она оставалась в безопасном замке своего отца в Риверране. Тогда она думала больше о Роббе, младенце возле ее груди, чем о муже, которого едва успела узнать. Нед имел право на любую утешу, которую мог отыскать среди битв. А раз семя его укоренилось, она полагала, что он должен приглядеть за ребенком.

Но он сделал большее: Старки не были похожи на обычных людей. Нед взял своего бастарда домой и звал его сыном на глазах всего Севера. И когда война наконец окончилась и Кейтилин переехала в Винтерфелл, Джон вместе с его няней уже находился там.

Она восприняла это болезненно. Нед не говорил о матери ребенка ни слова, а в замке не было секретов, и Кейтилин услышала, как служанки повторяют рассказы солдат. Они шептали о сире Эртуре Дейне, Мече Зари, самом искусном воине из семи рыцарей королевской стражи Эйриса, и о том, как их молодой лорд сразил его в поединке. Они рассказывали, как потом Нед повез меч сира Эртура к прекрасной и юной сестре сраженного рыцаря, леди Эшаре Дейн, высокой и светловолосой, с очаровательными фиолетовыми глазами, ожидавшей своей судьбы в замке, именуемом Звездопадом, что стоит на берегах Летнего моря.

Потребовалось две недели, чтобы она набралась храбрости, но наконец однажды ночью Кейтилин спросила своего мужа о ней, спросила прямо в лицо.

В тот единственный раз за все прошедшие годы Нед испугал ее.

– Никогда не спрашивай меня о матери Джона, – отвечал он голосом холодным как лед.

– Джон от моей крови, и большего тебе знать не нужно. А теперь я хочу выяснить, где моя госпожа узнала это имя.

Ей пришлось повиноваться, она все рассказала, и с этого дня все сплетни прекратились, а имя Эшары Дейн никогда более не упоминалось в Винтерфелле.

Кем бы ни была мать Джона, Нед, наверное, пылко любил ее, потому что никакие уговоры Кейтилин не могли заставить его отослать мальчика. Лишь этого она не могла простить ему. Кейтилин научилась любить мужа всем сердцем, но так и не сумела заставить себя полюбить Джона. Ради любви к Неду она стерпела бы и дюжину бастардов, если бы только их не было на глазах, но Джон никогда не отлучался из замка, и вырастая, он становился похожим на Неда больше, чем любой из его законных сыновей, что лишь ухудшало положение дел.

– Джон должен уехать, – сказала она.

– Они с Роббом дружат, – проговорил Нед. – Я надеялся...

– Он не может оставаться в Винтерфелле, – обрезала его Кейтилин. – Он твой сын, а не мой. Я не потерплю его здесь. – Жестоко, она понимала это, но ничего изменить не могла. Нед не обрадует парня, оставив его в Винтерфелле.

Муж отвечал ей раненым взором.

– Ты знаешь, я не могу взять его на юг. Для него нет места при дворе. Мальчишка – бастард... ты знаешь, что будут о нем говорить. Его заключают.

Кейтилин решила не уступать мужу, несмотря на его просияющий взгляд.

– Говорят, что твой приятель Роберт сам является отцом дюжины бастардов.

– И никого из них не видели при дворе! – вспыхнул Нед. – Ланнистерша позаботилась об этом. Как ты можешь быть настолько жестокой, Кейтилин? Это всего лишь мальчишка. И он...

Ярость накатила на него. Он сказал бы и худшее, но вмешался мейстер Лювин.

– Возможно другое решение, – проговорил он спокойным голосом. – Несколько дней

назад ваш брат Бенджен явился ко мне с разговором о Джоне. Похоже, мальчика тянет к Черным Братьям.

Нед казался потрясенным.

– Он захотел вступить в Ночной Дозор?!

Кейтилин отошла к окну. Пусть Нед все обдумает, сейчас ей лучше промолчать. И все же она охотно бы расцеловала майстера за идеальное решение. Бенджен Старк принес братскую присягу. Джон будет сыном ему, ребенком, которого у него иначе никогда бы не было. Со временем мальчик и сам даст обет. У него не будет сыновей, которые когда-нибудь смогут оспорить право внуков Кейтилин на Винтерфелл.

Майстер Лювин сказал:

– Служить на Стене – великая честь, милорд.

– И дажеbastard может высоко подняться в Ночном Дзоре, – заметил Нед. И все же в голосе его слышалась тревога. – Но Джон так молод. Если бы он попросил об этом в более зрелом возрасте, это было бы другое дело, но в четырнадцать лет...

– Суровая жертва, – согласился майстер Лювин. – Но жестоки и времена, милорд. Его дорога не будет горше пути, что ждет вас и госпожу.

Кейтилин подумала о тех детях, которых ей предстоит потерять. Смолчать было нелегко.

Нед отвернулся от окна, и лицо его помрачнело. Пройдя несколько шагов, он повернулся назад.

– Очень хорошо, – обратился он к майстеру Лювину. – Наверное, так будет лучше. Я переговорю с Беном.

– А когда мы скажем Джону? – спросил майстер.

– Когда это потребуется. Пока нужно сделать приготовления. Возможно, пройдет пара недель, прежде чем мы сумеем подготовиться к дороге. Пусть Джон порадуется этим последним дням. Лето скоро закончится, а с ним и его детство. Когда придет зима, я сам скажу ему.

Арья

Стежки под рукой Арьи вновь вышли кривыми. Бросив на них хмурый и недовольный взгляд, она поглядела на сестру, окруженную девушками. Санса великолепно владела иглой. Так говорили все.

– Шитье Сансы столь же красиво, как и она сама, – сказала однажды септа Мордейн их леди-матери. – У нее такие деликатные руки. – А когда леди Кейтилин спросила об Арье, септа фыркнула: – А у Арьи руки кузнеца.

Арья повела взглядом по комнате, опасаясь, что септа Мордейн прочтет ее мысли, но септа не уделяла ей сегодня внимания. Она сидела возле принцессы Мирцеллы, выражая улыбкой восторг. Септам нечасто удается поучить женскому делу принцесс королевской крови, сказала она, когда королева привела к ним Мирцеллу. На взгляд Арьи, стежки принцессы тоже казались чуточку кривоватыми, но по воркованию септы Мордейн этого никак нельзя было определить. Арья вновь оглядела собственную работу, пытаясь найти способ исправить ее, а потом вздохнула, опустила иглу и мрачно уставилась на сестру. Санса весело трещала за работой. Бет Кассель, младшая дочь сира Родрика, сидела возле ее ног, прислушиваясь к каждому слову, Джейни Пуль, склонившись, что-то шептала ей на ухо.

– О чем вы говорите? – вдруг спросила Арья.

Джейни удивленно поглядела на нее и хихикнула. Санса смущалась. Бет покраснела. Никто не ответил.

– Скажите же, – проговорила Арья.

Джейни оглянулась, чтобы убедиться в том, что септа Мордейн не слушает. Мирцелла как раз что-то кончила рассказывать, и септа рассмеялась вместе со всеми остальными дамами.

— Мы говорили о принце, — ответила Санса голосом мягким, как поцелуй.

Арья знала, о каком из принцев шла речь: конечно же, о Джоффри, высоком и красивом. Санса сидела рядом с ним на пиру. Ей же, Арье, пришлось сидеть с пухлым малышом. Вполне естественно.

— Твоя сестра понравилась Джоффри, — прошептала Джейни с гордостью, словно от нее что-то зависело. Она была дочерью стюарда Винтерфелла и самой близкой подругой Сансы.

— Он сказал ей, что она прекрасна.

— Он собирается жениться на ней, — сонным голосом объявила кроха Бет, обхватив себя руками. — Тогда Санса сделается королевой.

Санса изящно покраснела. Краснела она всегда удивительно мило. Она все делает мило, с тупой укоризной подумала Арья.

— Бет, тебе не следует сочинять такие сказки, — поправила Санса младшую, ласково погладив ее по голове, чтобы лишить резкости собственные слова. Она поглядела на Арью. — А что ты думаешь о принце Джоффри, сестра? Он очень галантен, тебе не кажется?

— Джон говорит, что он очень похож на девочку, — сказала Арья.

Санса вздохнула, не прекращая шитья.

— Бедный Джон, — сказала она. — Он ревнует потому, что онbastard.

— Он наш брат, — сказала Арья слишком уж громко. Голос ее прорезал полдневный покой горничной наверху башни.

Септа Мордейн подняла глаза. Костлявое лицо, острые глаза и тонкие губы как будто специально были созданы для того, чтобы укорять. Рот ее уже кривился.

— И о чем же вы разговариваете, девочки?

— О нашем сводном брате, — поправилась Санса, мягко и точно. Она улыбнулась септе:

— Мы с Арьей как раз говорили, что нам приятно шить сегодня в обществе принцессы.

Септа Мордейн кивнула:

— Действительно. Это великая честь для всех нас. — Принцесса Мирцелла неуверенно улыбнулась комплименту. — Арья, почему ты не шьешь? — зашелестев накрахмаленными юбками, спросила септа и, встав на ноги, направилась через всю комнату. — Покажи-ка мне свою работу?

Арье хотелось заплакать. Ну зачем это Санса, как всегда, привлекла внимание септы?

— Вот, — сказала она, подавая свое шитье. Септа посмотрела на ткань.

— Арья, Арья, Арья, — покачала она головой. — Это не дело. Это совсем не дело!

Все вокруг глядели на нее. Это уж слишком. Санса была слишком хорошо воспитана, чтобы улыбнуться несчастью сестры, но Джейни блаженствовала. Даже принцессе Мирцелле было жаль ее. Арья почувствовала, как слезы наполняют ее глаза. Выскочив из кресла, она бросилась к двери.

Септа Мордейн позвала ее:

— Арья, вернись! Ты не сделаешь ни одного шага. Твоя леди-мать услышит об этом. Ты позоришь семью перед лицом нашей царственной гостьи.

Арья остановилась в дверях и повернула назад, закусив губу. Слезы теперь бежали по ее щекам. Она умудрилась отпустить короткий нервный поклон Мирцелле:

— Прошу вашего разрешения, моя госпожа.

Мирцелла моргнула и поглядела на своих дам, ожидая наставлений. Однако в отличие от принцессы септа Мордейн не испытывала неуверенности.

— И куда же ты направлялась, Арья? — потребовала ответа септа.

Бросив на нее яростный взор, Арья ответила самым любезным тоном:

— Коней ковать, — и, недолго насладившись потрясением, приступившим на лице септы, бросилась вон, сбежав по ступеням так быстро, как могли нести ее ноги.

Это было нечестно. Сансе досталось все. Санса была на два года старше, и к тому времени, когда родилась Арья, ей ничего уже не осталось. Так она считала. Санса умела шить, танцевать и петь. Она писала стихи. Она со вкусом одевалась. Она играла на высокой арфе и колокольчиках. Хуже того, она была прекрасна. Санса унаследовала высокие, тонкие

скулы матери и густые, осеннего цвета волосы Талли. Арья пошла в своего лорда-отца. Каштановые волосы ее не блестели, лицо казалось длинным и скорбным. Джейни обычно дразнила ее лошадью и ржала, когда Арья проходила мимо. Лучше сестры она умела лишь ездить на коне. Ну, кроме этого, еще хорошо управлялась по дому. Санса никогда не разбиралась в цифрах. Если она выйдет за принца Джоффри, тому придется обзаводиться надежным управителем.

Нимерия ожидала ее в караулке у подножия лестницы и вскочила на ноги, едва завидев Арью. Девочка ухмыльнулась. Уж этот волчонок любит ее, как бы ни относились к ней все остальные. Они повсюду ходили вместе, Нимерия и спала в комнате Арьи – возле постели. Если бы мать этого не запрещала, Арья охотно брала бы волчонка с собой на шитье. Вот пусть тогда септа Мордейн попробует осудить ее стежки. Арья отвязала Нимерию, та лизнула ее руку. Желтые глаза волчонка, отражая солнечный свет, блеснули двумя золотыми монетами. Арья назвала ее в честь воинственной королевы ройнов, которая некогда провела свой народ через Узкое море. Это имя тут же послужило причиной для большого скандала. Санса, конечно же, назвала своего щенка Леди. Сделав гримасу, Арья обняла волчонка. Нимерия лизнула ее в ухо, и девочка хихикнула.

Септа Мордейн, безусловно, успела все сообщить ее леди-матери. Если она отправится к себе, ее сразу найдут. Арья не хотела этого. Она придумала кое-что получше. Мальчики как раз занимались во дворе. И ей хотелось увидеть, как Робб уложит галантного принца Джоффа на спину.

– Пойдем, – шепнула она Нимерии. Вскочив, Арья побежала, волчонок следовал за ней по пятам.

В стене крытого перехода между арсеналом и Великим Замком находилось окошко, из которого был виден весь двор. Туда они и направились.

Запыхавшаяся и раскрасневшаяся Арья обнаружила там Джона, сидевшего на подоконнике, поджав колени к подбородку. Он следил за происходящим, углубившись настолько, что даже не заметил ее приближения, лишь его белый волк отправился им навстречу. Нимерия приближалась с опаской. Призрак был крупнее, чем его собратья; он обнюхал сестру, лизнул в ухо и опустился на пол.

Джон, любопытствуя, повернулся.

– Разве тебе не положено сейчас работать над шитьем, маленькая сестрица?

Арья отвечала гримасой:

– Я хочу посмотреть, как они дерутся.

Он улыбнулся:

– Тогда подойди сюда.

Арья взобралась на окно и села возле него, прислушиваясь к стуку и говору во дворе. К ее разочарованию, учили младших ребят. Бран был укутан так, что показался ей завернутым в перину, а уж Томмен, при всей своей толщине, похож был на колобок. Они пыхтели, сопели и разили друг друга обмотанными тканью деревянными мечами под внимательным взглядом сира Родрика Касселя, мастера над оружием, рослого и объемистого, словно бочонок, с великолепными белыми бакенбардами во всю щеку. Дюжина зрителей, мужчины и мальчики, подбадривали сражающихся. Голос Робба был самым громким. Возле старшего брата она заметила Теона Грейджоя, черный дублет воспитанника украшал золотой кракен⁵ его дома, на лице проступало выражение превосходства. Оба сражавшихся уже спотыкались. Арья решила, что бой длится достаточно давно.

– Более утомительное занятие, чем шитье?

– Более веселое занятие, чем шитье, – отвечала ему Арья. Джон с ухмылкой протянул руку и взъерошил ее волосы. Арья покраснела. Они всегда были близки. Джон напоминал ей отца, и она ему тоже. Они были единственными: Робб, Санса и даже маленький Рикон пошли

⁵ Кракен – гигантский кальмар.

в Талли – улыбчивые, с пламенной шевелюрой. По малолетству Арья когда-то боялась, что из-за этого ее тоже сочтутbastardом. С опасениями своими она отправилась именно к Джону, и именно он переубедил ее.

– А ты почему не во дворе? – спросила его Арья.

Он отвечал ей полуулыбкой.

– Bastardам не позволено сражаться с юными принцами. Все синяки, которые они получат во время упражнений, должны быть нанесены руками законных сыновей.

– О!.. – Арья смутилась. Ей следовало бы понять это самостоятельно. Второй раз за сегодняшний день Арья решила, что жизнь не так уж и хороша. Она посмотрела, как ее младший брат рубанул Томмена. – А я могу управляться с мечом не хуже Брана. Ему только семь, а мне уже девять.

Джон посмотрел на нее с высоты всей своей четырнадцатилетней мудрости.

– Ты слишком худа, – объявил он и взял сестру за руку, чтобы пощупать мускулы, а потом вздохнул и покачал головой. – Едва ли ты сможешь просто поднять длинный меч, маленькая сестрица, не говоря уже о том, чтобы размахнуться им.

Арья вырвалась и яростно поглядела на него. Джон снова взлохматил ее волосы. Бран и Томмен все еще кружили друг против друга.

– А ты видишь принца Джоффри? – спросил Джон.

Она заметила его не с первого взгляда, лишь приглядевшись, – сзади, в тени высокой каменной стены. Принца окружали мужчины, которых Арья не знала, незнакомые ей молодые сквайры в ливреях Ланнистеров и Баратеонов. Среди них были мужчины постарше. Она решила, что это рыцари.

– Погляди-ка на герб на его плаще, – прошептал Джон.

Арья посмотрела. На подбитом плаще принца был вышит причудливый щит. Тут уж, вне сомнения, шитье было великолепным. Герб разделялся на две половины: по одной стороне мчался венценосный олень королевского дома, на другой рычал лев Ланнистеров.

– Ланнистеры горды, – заметил Джон. – Джоффри было бы достаточно и королевского герба, но нет, он решил воздать дому своей матери такие же почести.

– С женщиной тоже надо считаться! – возразила Арья.

Джон усмехнулся:

– Неужели и ты сделала бы то же самое, маленькая сестрица? Объединила Талли со Starkами в своем гербе?

– Волк с рыбой в зубах! – Она расхохоталась. – Это было бы глупо. К тому же, если девочка не может сражаться, зачем нужен ей герб?

Джон пожал плечами:

– У девушек есть гербы, но нет мечей. Bastard получает меч, а не герб. Не я учреждаю правила, моя маленькая сестрица.

Внизу во дворе послышался крик. Принц Томмен катался в грязи, безуспешно пытаясь встать. Подушки делали из него некое подобие черепахи. Бран стоял над ним с поднятым мечом, готовый рубануть, если поверженный противник снова поднимется на ноги. Мужчины расхохотались.

– Довольно! – проговорил сир Родрик. Он подал принцу руку и поднял его на ноги. – Хорошая схватка. Лью, Доннис, помогите им снять броню. – Он огляделся. – Принц Джоффри, Робб, дело за вами, объявляю новый поединок.

Робб, уже покрывшийся потом в предыдущей схватке, бодро шагнул вперед:

– Охотно!

Отвечая на вызов Родрика, Джоффри вышел на солнечный свет. Волосы его блеснули золотой нитью.

– Это же игра для детей, сир Родрик, – проговорил он со скукой.

Пеон Грейджой разразился хохотом.

– Вы и есть дети, – сказал он.

– Робб, возможно, и ребенок, – сказал Джоффри, – но я принц. И мне надоело рубить

Старков игрушечным мечом.

— Ты получил больше ударов, чем нанес, Джофф, — возразил ему Робб. — Или ты боишься?

Принц Джоффри поглядел на него и процедил сквозь зубы:

— Просто в ужасе перед таким грозным воином. — Кое-кто из Ланнистеров расхохотался.

Джон, хмурясь, глядел на эту сцену.

— А Джоффри-то хоть еще и не вырос, но уже деръмо, — сообщил он Арье.

Сир Родрик задумчиво потянул за белый ус.

— Что вы предлагаете? — спросил он у принца. — Настоящую сталь?

— По рукам, — отвечал Робб, — сам же и пожалеешь.

Оружейных дел мастер положил руку на плечо Робба, чтобы успокоить его.

— Настоящая сталь слишком опасна. Я разрешаю вам взять турнирные мечи с затупленными краями.

Джоффри не ответил, но незнакомый Арье высокий рыцарь с черными волосами и оставленными ожогами шрамами на лице пробился вперед и стал перед принцем.

— Это твой принц, и кто ты таков, сир, чтобы указывать ему, может он или нет брать в руки острый меч.

— Я Кассель, мастер над оружием в Винтерфелле, и советую тебе не забывать об этом.

— Неужели здесь учат женщин? — захотел узнать рыцарь со шрамами. Его мышцы вздувались, как у быка.

— Я воспитываю рыцарей, — подчеркнул сир Родрик. — Они получат сталь, когда будут готовы к ней... Когда достигнут нужного возраста.

Рыцарь поглядел на Робба.

— Сколько тебе лет, мальчик?

— Четырнадцать, — отвечал Робб.

— Я убил мужчину в двенадцать лет. И не сомневайся — не тупым мечом.

Арья заметила, как Робб ощетинился, гордость его была задета. Он обернулся к сиру Родрику:

— Позволь мне сделать это. Я смогу победить его.

— Тогда бери турнирный меч, — ответил сир Родрик.

Джоффри пожал плечами:

— Встретимся, когда подрастешь, Старк. Но только не в глубокой старости. — Люди Ланнистеров расхохотались.

Ругательства Робба раздались во дворе. Потрясенная Арья прикрыла рот. Теон Грейджой схватил Робба за руку, чтобы увести его подальше от принца. Сир Родрик недовольно потянул себя за усы.

Джоффри изобразил зевок и повернулся к младшему брату.

— Пошли, Томмен, — сказал он. — Время игр закончено. Пусть дети развлекаются.

Ланнистеры снова разразились смехом, Робб опять отвечал бранью. Лицо сира Родрика под белыми бакенбардами уже побурело, как свекла. Теон удерживал Робба железной хваткой, пока принцы и их отряд не отошли подальше.

Джон проводил их взглядом. Арья заметила, что лицо Джона сделалось столь же спокойным, как пруд в середине богоющи. Наконец он слез с окна.

— Развлечение закончено, — проговорил он, нагибаясь, чтобы почесать Призрака за ушами. Волк поднялся и потерся о хозяина боком. — Лучше бы тебе отправиться к себе в комнату, маленькая сестрица. Септа Мордейн уже притаилась там, и чем дольше ты будешь прятаться, тем суровее окажется наказание. Тебе придется шить всю зиму. А когда настанет оттепель, твое тело обнаружат с иголкой, застывшей между замершими пальцами.

Арья не видела в подобной перспективе ничего забавного.

— Ненавижу шитье! — проговорила она с пылом. — Это нечестно!

— Все нечестно, — ответил Джон, вновь взъерошил ее волосы и отправился прочь.

Призрак безмолвно последовал за хозяином. Нимерия тоже было увязалась за ними, но остановилась и вернулась назад, заметив, что Арья остается на месте. Девочка неуверенно, без особой охоты повернула в обратную сторону. Но там ее ожидала худшая участь, чем предполагал Джон: в комнате сидела не одна септа Мордейн, там была и ее мать.

Бран

Охотники выехали на рассвете. Король хотел затравить дикого вепря для вечернего пира. Принц Джоффри сопровождал отца, поэтому и Роббу позволили присоединиться к охотникам. Дядя Бенджен, Джори, Теон Грейджой, сир Родрик и даже забавный младший брат королевы – все выехали в лес. В конце концов это была последняя охота. Утром они отправятся на юг. Брана оставили позади с Джоном, девочками и Риконом. Рикон был еще младенцем, девочки всегда оставались только девочками, ну а Джона с его волком нигде не было видно. Впрочем, Бран и не разыскивал его слишком усердно. Он решил, что Джон сердится на него, ведь в эти дни Джон, похоже, сердился на каждого. Бран не знал причины. Ему казалось, что если Джон уезжает вместе с дядей Беном на Стену, чтобы вступить в Ночной Дозор, то это ничуть не хуже, чем ехать на юг вместе с королем. Дома оставался один только Робб. Бран никак не мог дождаться отъезда. Ему предстояло ехать по Королевскому тракту на собственном коне – не на пони, на настоящем коне! Потом его отец в Королевской Гавани сделается десницей короля, и они будут жить в том самом Красном замке, который построили владыки Драконов. Старая Нэн говорила, что там обитают призраки, есть и темница, где творятся жуткие вещи, а на стенах повсюду развешаны драконьи головы. Подумав об этом, Бран поежился, но не от страха. Чего бояться? С ним будет отец и еще король со всеми своими рыцарями и рубаками, присягнувшими на верность.

Бран намеревался когда-нибудь сделаться рыцарем и вступить в Королевскую гвардию. Старая Нэн говорила, что лучших мечей не сыщешь по всей стране. Их было всего семеро, они носили белую броню, не имели жен и детей и служили одному только королю. Бран знал все рассказы о них. Одни их имена звучали песней. Сервин Зеркальный щит, сир Пойен Редвин, принц Эйемон Рыцарь Дракона, близнецы сир Эррик и сир Арик, погибшие от мечей друг друга сотни лет назад, когда брат воевал с сестрой в войне, которую певцы назвали Пляской Драконов. Белый Бык, Герольд Хайтауэр, сир Эртур Дейн, Меч Зари, Барристан Отважный.

Двоих гвардейцев сопровождали короля Роберта в поездке на север. Бран смотрел на них как заколдованный и не смел заговорить. Сир Борос был лыс, и щеки его тряслись, глаза сира Меррина прятались в нише между нависшим лбом и ржавой бородой. Более похожий на рыцарей из сказаний сир Джейме Ланнистер прежде принадлежал к Королевской гвардии, но Робб говорил, что Джейме убил старого безумного короля и посему был исключен из нее. Самым великим среди живых рыцарей считался сир Барристан Селми – Барристан Отважный, лорд-начальник Королевской гвардии. Отец обещал познакомить Брана с сиром Барристаном, когда они приедут в Королевскую Гавань, и Бран отмечал на стене оставшиеся до отъезда дни, мечтая повидать мир, о котором он мог только мечтать, и наконец начать жизнь, которой он даже не представлял себе.

И все же, когда наступил последний день, Бран вдруг почувствовал себя потерянным. Он не знал иного дома, кроме Винтерфелла. Отец велел ему сегодня попрощаться со всеми, и Бран попытался это сделать. Когда уехали охотники, он отправился по замку со своим волком, намереваясь посетить тех, кто останется дома: старую Нэн, повара Гейджа, Миккена-кузнеца, Ходора-конюха, который все время улыбался, заботился о его пони и никогда не говорил другого слова, кроме своего имени Ходор, а еще человека из стеклянного сада, который угождал его ежевикой, когда он являлся с визитом...

Но ничего хорошего не получилось. Первым делом Бран посетил конюшню, попрощался со своим пони. Он ведь больше не принадлежал ему, Бран получил настоящего

коня, и с пони нужно было расставаться. И вдруг Бран захотел просто сесть где-нибудь и расплакаться. Он повернулся и побежал, прежде чем Ходор и остальные конюхи смогли заметить слезы на его глазах. Тем и закончилось его прощание. Вместо этого Бран провел утро в богощие, пытаясь обучить волка приносить палку, но успеха не достиг. Волчонок был смысленее любой собаки в своре отца. Бран присягнул бы, что зверь понимал каждое сказанное ему слово, но интереса к палкам при этом не обнаруживал.

Бран все еще обдумывал имя. Робб звал своего волка Серым Ветром, потому что тот быстро бегал, Санса дала своей волчице имя Леди, а Арья выбрала для своей имя королевы-ведьмы, воспетой в старинных песнях. Маленький Рикон называл волка Лохматым Песиком, с точки зрения Брана – довольно глупое имя для лютоволка. Белый волк Джона носил кличку Призрак. Бран пожалел, что не придумал эту кличку первым, хотя его волк и не мог похвастаться белой шкурой. За последние дни недели мальчик опробовал сотню имен, но ни одно из них не казалось подходящим.

Наконец Бран устал от игры с палкой и решил полазать. Он уже несколько недель не поднимался на разрушенную башню, а учитывая все обстоятельства, иного шанса могло и не представиться.

Он побежал через богощие окольным путем, чтобы не проходить мимо водоема, возле которого росло сердце-дерево. Оно всегда пугало Брана, полагавшего, что у деревьев не должно быть глаз и рук. Волк следовал за ним.

– Ты останешься здесь, – сказал Бран у подножия страж-дерева, росшего возле стены арсенала. – Ложись, вот так, и жди меня.

Волк поступил как приказано. Бран поскреб его за ушами, обернулся, подпрыгнул, уцепился за невысокий сук и подтянулся. Он уже поднялся до середины дерева, легко перебираясь с ветки на ветку, когда волк вскочил на ноги и завыл.

Бран поглядел вниз. Волк умолк, глядя на него лиловыми узкими глазами. Станный холодок пронзил Брана, но он полез дальше. Волк снова взывал.

– Тихо, – сказал Бран. – Садись. Ты хуже, чем мать. – Волчий вой сопровождал его, пока он лез выше, – до тех пор, пока Бран наконец не перeskочил на крышу арсенала и волк не смог более видеть его.

Крыша Винтерфелла была для Брана родным домом. Мать нередко говорила, что он научился лазать прежде, чем ходить. Сам Бран не помнил, когда научился ходить, но не мог вспомнить и когда начал лазать. Возможно, мать действительно была права. Для мальчика Винтерфелл представлял серый каменный лабиринт: стены, башни, дворы и переходы, разбегавшиеся во все стороны. Покои в старой части замка успели накрениться в разные стороны, так что нельзя было даже сказать, на каком этаже ты находишься. Замок вырос за века, подобно какому-то чудовищному дереву, и ветви его сделались корявыми и толстыми, а корни углубились в землю, как верно заметил однажды мейстер Лювин.

Поднявшись к небу, Бран мог охватить глазом сразу весь Винтерфелл. Ему нравился замок, распростертый под ним. Пока птицы кружили над его головой, а внизу жила своей жизнью крепость, Бран мог целые часы проводить между источенных дождями горгулий, в задумчивости приглядывавших за Первой Твердыней: правильно ли люди обрабатывают дерево и сталь во дворах, следят ли садовники за овощами в стеклянном саду, снуют ли без отдыха псы взад и вперед, молчалива ли по-прежнему богощие и не изменились ли сплетни девиц, обменивающихся ими во время стирки возле колодца? Отсюда он казался себе лордом всего замка. Роббу никогда не понять этого.

Здесь Бран узнал и некоторые секреты Винтерфелла. Оказалось, что строители даже не выровняли землю. За стенами Винтерфелла были свои холмы и равнины. И мостик шел с четвертого этажа колокольной башни на второй этаж грачевни. Бран знал об этом. Еще он знал, что сумеет попасть на внутреннюю стену через южные ворота, подняться на три этажа и обежать весь Винтерфелл по узкому каменному туннелю, а потом выйти на уровне земли через северные ворота под сотнею футов стены, высияющей над головой. Мейстер Лювин этого не знал, Бран был в этом уверен.

Мать все боялась, что однажды Бран сорвется со стены и убьется. Он уверял ее, что этого не случится, но она не верила ему. Однажды она заставила его обещать, что он всегда будет оставаться на земле. Бран сумел выдержать обещание почти две недели, день ото дня ощущая себя все более несчастным, и наконец удрал прямо из окна детской, пока братья крепко спали.

В порыве раскаяния он исповедовался в преступлении на следующий день. Лорд Эддард отправил его в богонощу, чтобы очиститься. И расставил стражу, которая должна была приглядеть, чтобы сын его провел в лесу целую ночь, обдумывая свое неповиновение. Наутро Брана нашли не сразу; наконец он обнаружился спящим в ветвях самого высокого дерева рощи.

При всем гневе отцу оставалось только расхохотаться.

— Ты не мой сын, — сказал он Брану, когда его доставили вниз, — ты какая-то белка. Лазай, если не можешь не лазать. Только пусть мать этого не видит.

Бран старался, хотя знал, что ее трудно провести. Поскольку отец более не запрещал этого, мать нашла другие способы. Старая Нэн рассказала ему сказку о скверном маленьком мальчике, который забрался слишком высоко и был поражен молнией, а потом вороны выклевали ему глаза. Бран пропустил это мимо ушей. Он видел много вороньих гнезд на вершине разрушенной башни, куда, кроме него, не поднимался никто, а иногда наполнял свои карманы зерном, так что вороны клевали у него прямо из рук. И никто из них ни разу не обнаружил никакого желания выклевывать у него хотя бы один глаз.

Потом майстер Лювин вылепил из глины фигурку мальчика, одел куклу в одежду Брана и сбросил со стены во двор, чтобы показать, что останется от Брана, если он упадет. Зрелище было забавным, но Бран только посмотрел на майстера и сказал:

— Но я не сделан из глины и к тому же никогда не упаду.

Некоторое время, заметив его на крыше, стража гонялась за ним, пытаясь поймать. Это была самая веселая пора. Все равно что играть с братьями, но здесь Бран побеждал всегда. Никто из стражников не умел лазать, как Бран, даже Джори. А в основном его вообще не замечали. Люди никогда не смотрят вверх. Он любил крыши еще и по этой причине. Там, наверху, он становился как бы невидимым.

Ему нравилось и просто перебираться с камня на камень, впиваясь пальцами рук и ног в узкие щели. Он всегда снимал ботинки и лез вверх босым. И тогда ему казалось, что у него четыре руки вместо двух. Бран любил глубокую сладкую боль, которая потом ощущалась в мышцах. Он любил сам воздух наверху — плотный и сладкий, как зимняя груша. Любил птиц: ворон в разбитой башне, крохотных воробьев, гнездившихся в трещинах между камнями, древнюю сову, которая спала в пыльной расщелине на вершине старого арсенала. Бран знал их всех.

Но больше всего он любил посещать места, где никто не мог бывать, и смотреть сверху на серый Винтерфелл. Таким его не видел никто. Так целый замок сделался секретным уголком Брана.

Любимым местом своим он считал разбитую башню. Некогда она была сторожевой, самой высокой в Винтерфелле. Давным-давно, за сотню лет до рождения отца, удар молнии воспламенил ее. Вершина третьего этажа рухнула вниз, башню забросили и никогда не перестраивали. Иногда отец посыпал крысололовов к основанию башни, чтобы убрать гнезда, которые всегда обнаруживались среди обуглившихся и сгнивших брусьев и битых камней. Но кроме Брана и ворон, никто не поднимался к зубчатой вершине сооружения. Он знал два способа забраться туда. Можно было лезть по стене башни, но камни в ней вихлялись, потому что связка, некогда удерживавшая их, давно рассыпалась песком. Бран не любил наступать на них. Более удобный путь вел от богонощи: надо было подняться по высокому страж-дереву и перебраться через арсенал и зал караульной башни, перепрыгивая с крыши на крышу босыми ногами, так, чтобы стражники не услышали. Тогда он оказывался со слепой стороны Первой Твердыни, стариннейшей части замка, круглой крепости, более высокой, чем она казалась. Лишь крысы да пауки жили там, но по старым камням было

удобно лезть. Дальше можно было подняться наверх, к слепо глядящим в пустоту горгульям, перебраться от фигуры к фигуре на северную сторону, а оттуда, если как следует потянуться, можно было перелезть на разбитую башню. Последнюю часть пути к вершине, к гнездам, к площадке не более десяти футов шириной приходилось подниматься по покривневшим камням. Тут-то к нему и прилетали вороны посмотреть, не принес ли он зерна.

Бран передвигался от горгульи к горгулье с легкостью, достигнутой долгими тренировками, когда услыхал голоса. Он испугался настолько, что едва не сорвался: в Первой Твердыне никогда не обнаруживалось признаков жизни.

— Мне это не нравится, — проговорила женщина. Под Браном был рядок окон, голос доносился из последнего. — Десницей бы следовало стать тебе.

— Боги запрещают, — отвечал ленивый мужской голос. — Этой чести я не добиваюсь. Она требует слишком больших усилий.

Бран застыл, прислушиваясь, с внезапным испугом. Если он попытается двинуться, они могут заметить его ноги.

— Разве ты не видишь грозящей нам опасности? — сказала женщина. — Роберт любит Старка как собственного брата.

— Роберт с трудом переваривает общество собственных братьев. Я не виню его. Одного Станниса довольно, чтобы вызвать несварение желудка.

— Не валяй дурака! Одно дело — Станнис и Ренли, другое дело — Эддард Старк. Роберт прислушивается к Старку. Черт бы побрал их обоих! Мне следовало настоять, чтобы он выбрал тебя, но я не сомневалась в том, что Старк откажется.

— Следует считать, что нам повезло, — проговорил мужчина, — король вполне мог назначить одного из своих братьев или даже Мизинца, спаси нас боги. Лучше иметь врагов честных, чем честолюбивых, и сегодня ночью я усну спокойно.

Они говорят об отце, понял Бран. И захотел услышать больше. Еще несколько футов... но что, если они заметят его перед окном?

— Нам придется приглядывать за ним повнимательнее, — проговорила женщина.

— Я лучше понаблюдаю за тобой, — отвечал мужчина со скукой. — Иди-ка сюда.

— Лорд Эддард никогда не обнаруживал никакого интереса к тому, что творится к югу от Перешейка, — сказала женщина. — Нет, говорю тебе, он захочет предпринять меры против нас. Зачем же ему тогда занимать седалище власти?

— По сотне причин... по обязанности или по долгу чести. Может быть, он стремится вписать свое имя крупными буквами в книгу истории, может быть, хочет оставить свою жену или сделать и то и другое. Быть может, решил просто погреться — впервые в своей жизни.

— Он женат на сестре леди Аррен. Просто чудо, что Лизы нет здесь и она не встретила нас своими обвинениями.

Бран поглядел вниз. Под окном был узкий карниз, лишь несколько дюймов шириной. Он попытался стать на него. Слишком далеко. Ему не дотянуться.

— Ты слишком ворчлива. Лиза Аррен просто перепуганная корова.

— Эта перепуганная корова делила постель с Джоном Арреном.

— Если бы она что-то знала наверняка, то бросилась бы к Роберту, а не бежала из Королевской Гавани.

— Когда он уже согласился отдать ее слабака воспитанником на Бобровый утес? Не думаю. Она понимала, что жизнь мальчишки послужит залогом ее молчания. Лиза может и осмелеть, когда окажется в безопасном Орлином Гнезде.

— Ох, эти матери! — Слово это в устах мужчины прозвучало ругательством. — По-моему, роды что-то делают с женским рассудком. Вы все безумны. — Он с горечью расхохотался. — Пусть леди Аррен набирается отваги. Что бы ей ни казалось, доказательств у нее нет. — Он помедлил мгновение. — Но так ли на самом деле?

— Ты думаешь, что король потребует доказательств? — спросила женщина. — Говорю тебе, он не любит меня.

– И кто же виноват в этом, милая сестрица?

Бран посмотрел на карниз. Можно соскочить вниз. Было слишком узко, чтобы приземлиться, но пролетая, он сумеет ухватиться за камни и подтянуться, однако при этом поднимется шум и они подойдут к окну. Не понимая услышанного, он знал, что разговор не предназначен для его ушей.

– Ты слеп, словно Роберт, – сказала женщина.

– Если ты хочешь сказать, что вижу то же самое, тогда согласен, – ответил мужчина. – Я вижу мужа, который скорее умрет, чем предаст своего короля.

– Он уже предал одного, или ты забыл? – отвечала женщина. – Только вот что-то еще будет, когда Роберт умрет и Джофф займет престол. А ведь чем скорее это случится, тем в большей безопасности мы окажемся. Мой муж с каждым днем становится все беспокойнее, а когда Старк окажется возле него, он сделается только хуже. Подумать только, он все еще любит его покойную сестрицу. Того и гляди бросит меня ради какой-нибудь новой Лианны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.